

Пролог

Свет в подвале был недостаточно ярким. Мощная лампа, укрепленная на стальном кронштейне в центре низкого сводчатого потолка, освещала лишь малую часть этого просторного помещения. Ниши в кирпичных стенах со встроенными в них закрытыми стеллажами, углы — все это тонуло в сумраке. В подвал никогда не заглядывало солнце — здесь просто не было окон. И когда гасили лампу, тут воцарялась крошечная тьма.

Но сейчас в подвале было светло и работали люди. Двое. Оба полуодетые, взмокшие от усталости и напряжения. Несмотря на жаркий летний день, в подвале всю раскочегарился АГВ — нагревал воду в чугунном корыте, вмонтированном в цементный пол. Была включена на полную мощность и электроплитка. Над ней на крюке, вбитом в стену, что-то сушилось. Что-то темное, бесформенное.

Люди трудились молча и сосредоточенно. Точнее, работал один, сидя за небольшим столом со столешницей из белого больничного кафеля. Так ее было удобнее мыть **после работы**. Просто протереть губкой с мылом...

Второй стоял у стола, подавал инструменты как подмастерье. Вот из рук в руки перешли длинные изогнутые хирургические ножницы, вот нож с коротким острым, как бритва, лезвием.

— Г-гадство... расплзается прямо под руками... г-гадство. — Тот, кто работал за столом — молодой

парень, внезапно резко выпрямился. — Не рассчитал, потянул, а оно...

Второй — постарше — придушенно ахнул, всплеснул руками:

— Потянул? Ну-ка покажи! Разорвал?! Опять все испортил? Ну-ка дай сюда!

Он грубо спихнул сидящего со стула, наклонился и...

— Ч-черт! Черт, зараза, у тебя руки или что, Женька? Руки с какого места растут? Потянул он! Снова все испортил! Снова все насмарку — столько трудов! Кретин несчастный, что вытаращился на меня? Это что, работа? Работа, а? Этому тебя учили?!

— Меня учили делать работу хорошо... Стараться... — Речь «несчастливого кретина» была немного странной — чуть замедленной, словно он припоминал слова заученного урока, ускользавшие из памяти. — Я не хотел...

— Не хотел он! Ну а что теперь с этим делать? Куда это девать? Разрыв на самом видном месте, — шипел старший. — Это даже выбросить нельзя. Черт! Столько работы, столько мучений и вот — все коту под хвост.

— В прошлый раз я все сделал правильно, — младший нахмурился. — И в прошлый раз не было такого гадства. Я говорил, что это нельзя класть в холодильник. — Он кивнул на белое громоздкое пятно, выступавшее из сумрака дальнего угла подвала.

Старший снова грубо толкнул младшего — вроде приказывая посторониться, а на самом деле просто срывая злость и досаду. **Положить это в холодильник** была его идея. Чучельник и правда предупреждал, что этого делать нельзя. Чертов полудурок оказался прав!

Где-то наверху, словно под сводами, лязгнула железная дверь. Кто-то осторожно начал спускаться по лестнице.

— Ну, как дела подвигаются? — Того, кто спрашивал, трудно было разглядеть в сумраке. Голос же, хорошо поставленный, мужественный и звучный, но

сейчас усталый, с простуженной хрипотцой, свидетельствовал о том, что обладатель его тоже еще молод, но и молодость, а также, возможно, и иные подарки судьбы — здоровье, привлекательность, физическая сила — ему уже как-то не в радость. Отчего? Ответ на этот вопрос подсказали бы его глаза, взгляд, выражение лица. Но человек так и остался невидимкой, прячущимся в тени: спустился лишь до середины лестницы, куда не достигал свет лампы, и остановился, облокотясь на железные перила.

— Все ни к черту, — старший из работавших в подвале злобно сплюнул. — Разорвалась!

Он чувствовал на себе взгляд стоявшего на лестнице. Тот явно ждал объяснений, жалоб: мол, Чучельник снова все испортил. Проклятый идиот! Но жалоб не последовало. Старший не имел привычки играть роль доносчика. Чаще он даже брал вину на себя, выгораживая Чучельника. Так уже было не раз. Ведь Чучельник доводился ему младшим братом. И он считал, что они всегда разберутся сами между собой, без посторонних.

— Ну, чего-то в этом роде и следовало ожидать. При такой квалификации, — стоявший на лестнице усмехнулся. — Значит, придется исправить ошибку.

Наступила гнетущая пауза. Было слышно лишь шипение электроплитки да клокотание начинавшего бить ключом кипятка в чугунном корыте.

— Очень жарко тут, — заметил стоявший на лестнице. — Сахара, да... Ну, что застыли? Идите отдыхайте пока. Только сначала, Егор, убери здесь все. **Будь добр.**

В последних словах было что-то такое... Старшему почудилось, что он словно змее на хвост наступил и она человеческим голосом заговорила с ним...

— Ладно, — буркнул он торопливо и покорно. — Я уберу и... Только принеси пластиковый мешок, наши тут все кончились. Я в таком виде наверх не пойду. А вечером вывезу все... все бранные останки... Мы не хотели, правда. Так получилось. Материал — дрянь.

— Г-гадство, — эхом откликнулся его напарник. Голос его дрогнул от разочарования.

— Начнете все сначала. — Шаги двинулись по лестнице вверх. — Сейчас принесу пакет и швабру. И пусть Женька пол тут вымоет до зеркального блеска, а то... — Дверь лязгнула.

Человек постарался закрыть ее за собой как можно тише, но она, проклятая, все равно каждый раз лязгала, как несмазанные крепостные ворота или магнитный запор новехонького домофона в кооперативном доме. Он медленно направился по узкому коридору в кладовку. Эти переходы-щели и этот гулкий и просторный, как футбольное поле, подвал — все это были издержки планировки старого замоскворецкого купеческого особняка: приземистого, двухэтажного, с мезонином и развалившейся башенкой-флагштоком на покато́й крыше.

Обособняк недавно был отремонтирован, но старую планировку помещений сохранили. Он сам лично стоял на этом. Некогда, до революции, в этом доме помещался лабаз и товарные склады купца Пескова. Затем уже перед самым 17-м сюда переехало замоскворецкое отделение Русско-азиатского коммерческого банка. Тогда-то здесь укрепили и обустроили этот роскошный подвал-бункер. А после революции и войны тут обитало бесчисленное множество сменявшихся друг друга контор и НИИ, последний из которых развалился в начале 94-го от безденежья и неостребованности его научных идей и кадров. И в этом же году дом, точнее его обветшалый призрак, откупил у властей столицы предприимчивый Салтычиха. Сначала здесь планировалось открыть салон по продаже стройматериалов, но затем...

Дверь демонстрационного зала была приоткрыта. Оттуда лились потоки жаркого солнечного света — стекла современных окон немецкого качества, скрадывающих уличный шум, защищенных мощной стальной решеткой, всего два дня как отмыли.

Из зала доносилась тихая музыка: перед тем как

спуститься в подвал, он включил в зале видео, причем исключительно из-за музыки выбрал фильм «Дитя Макона» Питера Гринуэя. Но находившиеся в зале покупатели не смотрели на экран, где разыгрывалась мистерия о девственнице, родившей младенца. Покупателей всего-то было двое: ожиревшая немолодая супружеская пара, более похожая не на людей, а на породистых шарпеев, бредущих на одной сворке. От количества украшений на «мадам» у него сразу же зарябило в глазах. И он поручил их заботам умницы Лекс — Лександры-Александрины. Пусть поглазеют, приценятся, может, что и купят сдуру...

— Это чересчур уж какое-то пестрое, Ира, — донесите вальжный басок. — Глянь на табличку-то во он там внизу... Что он там намалевал-то? Как это хреновина зовется?

— Зато модно и подойдет под обои, — голос «мадам» был безапелляционен, словно неотложное хирургическое вмешательство. — В спальне, Лёсик, над кроватью нам просто необходимо такое яркое, цепляющее глаз пятно. И вообще, по-моему, это стильная вещь. Девушка, эта картина продается? Сколько она стоит?

«Оттого-то **они**, накопив к сорока годам бабок и переведа их благополучно за Альпы, и бросают таких вот подруг суровых дней и бедной юности и женятся на юных, длинноногих и миловидных. Такое карканье над ухом каждое утро — это ж подохнешь!» Человек осторожно прикрыл дверь в демонстрационный зал. Эти двое еще долго будут раскачиваться, он успеет зайти в кладовку, отнести все вниз и вернуться. К тому же, если эта парочка все же надумает купить этуод Сарьяна, Лекс его позовет.

В кладовке он извлек из старой рухляди пластиковый пакет, из тех, в которых домохозяйки хранят в антимоли меховые вещи. Весной они с Егором купили целую кипу таких пакетов в хозяйственном в Павловском Посаде. Великоват, конечно, но удобен. Самое

оно: черный плотный пластик. И главное — **непромокаемый**.

Когда он возвращался, сквозь закрытые двери зала все еще доносилась музыка. Клавесин, свечи, тайна средневековой мистерии — «Дитя Макона»... Бог ты мой, Гринуэй и его грезы, божественная заумь... Но очень, очень душевно и заманчиво. А кто не знает, тот, как говорится, пусть отдыхает. Пусть...

Там, за этими дверями, было все то, что он любил. И там была Лекс и эти шарпеи с их невежеством и деньгами. А он... он лишь крепче зажал под мышкой пластик и двинулся в подвал — место, которое и существовало только для того, чтобы была возможность и впредь иметь все те милые сердцу, приятные духу, глазу, слуху предметы и вещи. Это было словно две стороны одной медали — подвал и то, что наверху, над подвалом, залитое солнечным светом, наполненное музыкой. И одна без другой стороны существовать не могли.

Человек открыл дверь в подвал, и она снова лягнула, пугая тишину. **ЧТО Ж, ЕСЛИ ВСЕ ИХ ТРУДЫ ПОШЛИ НАСМАРКУ, ЕСЛИ ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ СНОВА ИСПОРЧЕН, ПРИДЕТСЯ НАЧИНАТЬ ВСЕ ЗАНОВО.** С нуля. А те **бранные останки**... Человек не хотел лукавить сам с собой — сил нет смотреть на эту блевотину, этот ужас, но... Вечером Егор отвезет эту мертвечину куда-нибудь подальше за Кольцевую. И зароет в лесу. Как он делал и прежде, когда работа не удавалась. И никто никогда ничего не найдет. Никто и никогда.

Глава 1

ПРОПАВШИЙ ПАССАЖИР

Дело оказалось совсем не таким простым, каким представилось на первый взгляд. Даже совершенно непростым — в цепи событий внезапно появилась странная загадка, и это весьма и весьма озадачило Катю Петровскую.

Катя, а если более официально, Екатерина Сергеевна — криминальный обозреватель пресс-центра областного ГУВД, вот уже целую неделю слезно жаловалась всем и каждому, что по уши увязла в трясине скуки: лето — мертвый сезон. И даже уголовный элемент всех мастей и окрасок знойным месяцем июнем, когда на небе ни облачка, а на градуснике тридцать выше нуля, вял, ленив и малооригинален в нарушениях закона.

Нельзя было, конечно, сказать, что на всем белом свете, а точнее, в лучшей его части — Подмосковье вообще не случалось никаких криминальных происшествий. Нет, как обычно, «контингент» регулярно совершал противоправные действия: воровал, насиловал, грабил. Но все это была уже набившая оскомину, надоевшая до чертиков рутина — никаких ярких, захватывающих, интригующих тем для газетного репортажа. Ни малейшей сенсации.

Короче — полный профессиональный ноль. Но вдруг... Сидя в пустом кабинете, залитом заходящим над родным Никитским переулком солнцем, едва живая от духоты и усталости, Катя — по ряду причин ей предстояло задержаться на службе до восьми вече-

ра — в который уж раз перебирала в памяти события минувших суток, результатом которых и стала эта ужасная и таинственная находка в лесном овраге.

Началось же все это дело с громкого, хотя и не особенно оригинального ЧП: на двадцатом километре шоссе, ведущего в аэропорт Быково, ранним июньским утром водитель бензовоза неожиданно для себя услышал доносившиеся из-за поворота дороги выстрелы. Рисковать он не стал — мигом развернул машину-бензовоз и что есть сил погнал на ближайший пост ГАИ.

Первый милицейский наряд прибыл «туда, где стреляли», то есть на двадцатый километр, через четверть часа, точнее, в пять семнадцать утра. Кате же и прочим сотрудникам пресс-центра стало известно о происшествии, как только они пришли на работу — то есть около девяти утра. Но пока собрались, пока завели свою потрепанную машину, пока «докондѣхали» до городка Красноглинска (расследовать ЧП пришлось ОВД именно этого района), дело уже крутилось вовсю, и к официальным лицам, как-то: следователю Красноглинского ОВД, сотрудникам спецбатальона ГИБДД и местному начальству, окрыленному энергичным раскрытием и задержанием по горячим следам банды дерзких злоумышленников, — было прямо-таки не подступиться на пушечный выстрел. Все «официальные» были до чрезвычайности «при исполнении» и от прессы и телекамеры прямо шарахались: у нас такое раскрытие, ребята, а вы тут со своей ерундой под ногами крутитесь!

Но Катю подобным обидным пренебрежением было не пронять. Вы, ребята, сами по себе — и мы из пресс-центра тоже сами по себе. У вас — героическое раскрытие особо тяжкого, а у нас — святая обязанность информировать о вашем героизме и оперативности широкие массы, формируя у общественности позитивный взгляд на деятельность правоохранительных органов. Так что будьте ласковы, товарищи следователи и оперы, не скарעדничайте, не зажимайте

информацию, а смело делитесь с ведомственной прессой о том, как вы сейчас взяли этих бандитских гадов, как сделали их и...

Вишневый «Икарус» на обочине — это было первое, что узрела Катя еще из окна пресс-центровских «Жигулей». Пустой автобус, а возле него — толпа галдящих испуганных пассажиров, милиционеры в форме, эксперт-криминалист с фотокамерой.

— Они к нам сразу же как сиганули, заорали: «Ограбление, всем стоять-сидеть на местах, быстро деньги — «зеленые» и какие есть, и все золото, что на пальцах и в ушах». Так прямо и заявили, дословно говорю, — возбужденно жестикулируя, рассказывала одна из женщин в толпе, обращаясь к стоявшему подле нее омоновцу. — Это прям какой-то ужас — в двух шагах от аэропорта! Сначала-то никто из нас и не понял ничего. А потом, когда этот лоб в маске выстрелил, мы...

И правда, как удалось выяснить Кате из бесед с очевидцами-пассажирами, в первую минуту в «Икарусе» никто толком ничего не понял. На этом автобусе ехали в столицу дальние путешественники — челноки аж из самой Йошкар-Олы. «Икарус» был забит багажом до предела. После утомительного ночного переезда почти все пассажиры в салоне спали. Водителя, валившегося на руль от усталости, только-только сменил его напарник. Утреннее шоссе (а часы на приборной доске «Икаруса» показывали всего половину пятого утра) было пустынным и тихим.

Как вдруг на двадцатом километре автобус бесшумно обогнала неизвестно откуда взявшаяся черная «девятка». Она вильнула перед самыми фарами «Икаруса» и резко перегородила дорогу. От неожиданности водителя прошиб холодный пот — столкновение казалось неминуемым. Он крутанул руль, взвизгнули тормоза и...

— Открывай дверь, быстро! — Водитель даже не успел понять, что происходит: к автобусу бросились пассажиры «девятки» — один, второй, третий. Секунда — рывок, и... некто в черной маске-«бандитке» уже

у самой кабины. На водителя уставилось пистолетное дуло.

Некоторые пассажиры «Икаруса» проснулись от резкой остановки. Других разбудил шум, когда эта троица из «девятки» (всего, как оказалось, там было четверо) ворвалась в салон и прямо с порога громко объявила, что это, мол, ограбление, деньги, мол, на бочку...

Сама бандитская акция длилась не более восьми минут. Как рассказывали пассажиры, один из налетчиков в маске продолжал держать водителя под дулом пистолета, второй — явный «водила» — оставался за рулем, а остальные двое (тоже в масках) быстренько прошвырнулись по салону. Мало слов — много дела, угроз и экспрессии: дуло в зубы, рука — за дамскую сумочку, мужскую визитку, бумажник. Некоторых пассажиров заставляли вставать — срывали кожаные пояса с деньгами. А одному бедолаге даже приказали спустить брюки и трусы, подозревая у него потайной набрюшник. Когда пассажир заартачился, а остальные негодуя зашумели, бандит, охранявший водителя, молча и многозначительно пальнул — конкретно ни в кого не целился, но негодование разом стихло.

Ограбление шло своим чередом, пока, по словам очевидцев, нападавшие не дошли до «той женщины в красной кофте», как ее называли остальные пассажиры «Икаруса». Когда бандит схватил ее сумку, женщина забилась в истерике, крича, что еле нашла денег на поездку, наскребла у родственников, что дома дети, парализованная мать, что муж вот уже полгода как не получает зарплату на заводе, и что, только продав эти чертовы корейские кофты из ангорки, она надеялась хоть как-то свести концы с концами, и что «неужели у вас нет сердца и вы не понимаете, что мы так с голоду подохнем?!», и что «уж лучше стреляйте меня, потому что без денег я дома детям на глаза не посмею показаться!».

Нападавшие явно не ожидали такого потока бра-

ни, слез, воплей, яростной непокорности и абсолютного презрения к демонстрируемому огнестрельному оружию. Тот, кто «экспроприировал» сумку, сначала даже попытался, но потом, расвирепев, со всего размаха въехал строптивой жертве кулаком в подбородок. Нет, никто из пассажиров не вступился — все челноки были парализованы страхом, однако...

Однако этот эпизод и явился катализатором к дальнейшим событиям, которые, как опять же рассказывали очевидцы оперативникам, следователю и лично Кате, развивались так: женщина захлебнулась криком, но продолжала отчаянно цепляться за сумку. Ее ударили рукояткой пистолета по пальцам. На заднем сиденье оставалось еще четверо необобранных пассажиров. Им приказали «по-быстрому скинуть баксы», но они медлили. Тогда бандит, охранявший переднюю дверь, снова выстрелил — на этот раз пуля разбила стекло в одном из окон. С грохотом посыпались стекла, среди пассажиров началась паника, и в этот миг шофер, воспользовавшись тем, что о нем вроде бы позабыли, **закрыл двери автобуса**, а сам попытался через свою персональную дверь выскочить из кабины, но... Бандит в маске выстрелил на этот раз уже прицельно в этого безрассудного смельчака. К счастью, лишь легко ранил в мякоть предплечья.

— Открывай двери! У нас гранаты с собой — взорвем к... весь ваш табор!!! — орали нападавшие. — Считаю до трех, ну!

— Откройте двери, ради Бога, пусть они убираются, — запричитали наиболее пугливые из пассажиров. — Не дай Бог возьмут нас в заложники!

Водитель не стал ждать второй пули — открыл **обе двери**. И вот черная «девятка» газанула — и только они ее и видели.

Когда Катя беседовала обо всех этих событиях с потерпевшими, те ее через каждую секунду спрашивали: «Девушка, а правда, что их задержали? Это точно? И когда же нам вернут наши деньги?»

Катя насчет задержания говорила, что правда, а

насчет денег и возврата имущества уклончиво советовала потерпевшим обращаться к следователю Красноглинского ОВД. Тот, уже обалдевший от криков челноков, требовал, чтобы всех потерпевших немедленно убрали с места происшествия, где еще не закончился осмотр, и отвезли на специальном автобусе в отдел милиции. Но челноки боялись оставить свой багаж в «Икарусе» и наотрез отказывались без него ехать в отдел. А отбуксировать сам «Икарус» тоже было пока нельзя, потому что храброго, но безрассудного напарника водителя, раненного в сражении, вместе с пострадавшей «женщиной в красной кофте» только-только увезла «Скорая». А сменный водитель от всего пережитого был в настоящем шоке: глотал валидол, и у него, по его признанию, «все плыло перед глазами». Ждали шофера с автобусом из местного автопарка, но он запаздывал. Дело, в общем, было обычное, житейское...

Кате все эти житейские неурядицы показались адом крошечным. Однако, не теряя времени, она тихомком порасспросила сотрудников ГАИ — те всегда знали больше других — про обстоятельства задержания по горячим следам пассажиров «девятки». К счастью, далеко с награбленным они не ушли. Благодаря оперативности водителя бензовоза, услышавшего выстрелы и предупредившего милицию, ГИБДД успела перекрыть шоссе и все повороты на проселки, и на одном из них, неподалеку от аэропорта, черную «девятку» заметили и задержали спустя всего час после событий на шоссе.

— Со стрельбой брали? — все допытывалась Катя у гаишников. — Красиво?

— Нет. На этот раз все по-тихому прошло, — скромничали те. — Тормознули и сразу поставили под автоматы. Они, конечно, тоже со стволами, но... Во-первых, не ждали, что так быстро вяпаются, а во-вторых, просто шкуркой рисковать не захотели. Да и пушка-то настоящая у них одна, остальные газовые,

так, для устрашения только. С таким арсеналом на автоматы не попрешь.

Узнав, что бандиты, видимо, местные, что оружие, маски и награбленное у них уже благополучно изъято, а сами они уже препровождены в Красноглинский отдел, Катя уже было собралась стремглав мчаться туда. Авось и повезет — в Красноглинске у нее была масса знакомых сотрудников. И, возможно, появился бы удачный шанс пообщаться с этими дорожными отморозками сразу же после их задержания (такое интервью очень бы оживило репортаж). Но тут внезапно произошло событие, с которого и начались в этом в принципе простом, хотя и до ужаса **громком** деле все загадки и заморочки.

Толпа челноков горлопанила: одни продолжали наотрез отказываться ехать в милицию без багажа. Другие вроде бы уже соглашались покинуть родной «Икарус», но предварительно настаивали на том, чтобы сохранность багажа была сначала проверена прямо при них на месте: «А то ищи потом, куда вы наш автобус отгоните!»

Измотанный, злой следователь не выдержал и сдался: ладно проверяйте свои баулы, и тронемся. И вот едва оправившийся от стресса водитель открыл багажное отделение, как вся толпа хлынула перетряхивать вещи. Челноки, пыхтя, выволакивали из брюха автобуса клетчатые клеенчатые баулы, сумки на колесах, пакеты, узлы и тюки. Когда все разобрали свое, в багажнике остались еще две небольшие спортивные сумки.

— А это чье добро? — удивленно спросил водитель. — Эй, кто хозяин?

Послышались голоса: «Бог его знает» и «Нам чужого не надо».

— Да это, наверное, соседа моего, — раздался голос из толпы. — То-то гляжу, его не видно что-то. Куда ж это он делся в суматохе?

Катя, хоронясь за спиной одного из оперативников, выслушала сбивчивые объяснения полного муж-

чины, данные им сотрудникам милиции: мол, позади него на последнем, если считать от средней двери, сиденье ехал молодой парень. «Какой-то узкоглазый. Ехал с нами не с дома, а подсел где-то по дороге. Вроде сказал мне, что Кимом его звать — я не усек: то ли в честь Коммунистического Интернационала, то ли в честь корейского вождя. На вид восточный, но по-русски говорит, как мы с вами. Наш, в общем, кореец. А вот когда и куда он делся, сказать не могу, — толковал челнок. — Как эти в масках ввалились к нам, сами понимаете, тут уж не до соседей стало. Потом стрельба, потом, как двери открыли, эти твари выскочили с нашими-то деньгами, ну, тут мы тоже по сторонам не оглядывались. А может, он следом за ними утек? Ведь у самой двери сидел. Только зачем? Куда это его понесло?»

Тут его сбивчивый рассказ прервали — омоневцы подогнали наконец собственный автобус и потерпевших начали спешно грузить. Следователь уже терял остатки терпения: в отделе задержанные ждут, осмотр места еще не закончен, да тут работы на сутки хватит!

— А с сумками этими что же? — спросил водитель. — Я, ребята, сразу предупреждаю: что в них — понятия не имею. А то будете потом собак вешать.

— Выбирайте выражения, уважаемый, — сухо отрезал следователь.

Катя молча и с любопытством разглядывала сумки, сиротливо стоявшие на траве. Странно как: ехали челноки в столицу, напали на них разбойники, грабнули, а потом один из челноков словно в воду канул. С чего бы это? Может, это был наводчик? Один из тех, кто помогал «девятичникам» изнутри, «пятая колонна», так сказать? Да нет, чушь. Что эти, в масках, из ЦРУ, что ли? Банальные деревенские бандиты, этакие махновцы-гуляй-поле. У таких все проще пареной репы: побольше угроз, побольше наглости. Они вон и шума особенно не боятся — палят на дороге почем зря. Вывод: не первый это случай у них, а прежние благополучно сходили с рук. Забрасывать

же, словно диверсанта, наводчика в автобус, вести его (по рации, что ли?) для таких махновцев — что-то слишком уж мудро... Но тогда куда же делся пассажир, так и не доехавший до столицы каких-то двадцати километров и бросивший багаж? Да и багаж что-то для челнока маловат... Она оглянулась.

Милиция тем временем тормознула легковушку. Ясно, следователю потребовались понятия для вскрытия и осмотра бесхозного имущества. Катя придвинулась ближе, вытянула шею. Оператор телегруппы дышал ей в затылок, готовясь снимать. И чутье на интересный кадр его не подвело. Из двух спортивных сумок извлекли семь тугих, аккуратно запечатанных пластиковых пакетов с... Катя видела подобные вещички уже не раз: анаша.

— Наркота?! — Едва услышав, водитель «Икаруса» только руками замахал: — Вы меня в это не путайте, я и так чуть инфаркт тут не заработал. Почему я знаю, чье это?

Катя краем уха услышала, как следователь тихо беседовал с оперативниками: можно, конечно, предположить, что анашу в Москву вез тот самый пропавший в суматохе парень. Если это наркокурьер, должен был сразу смекнуть, что после ограбления на дороге не миновать встречи с милицией, а поэтому счел за лучшее смыться, бросив товар, но... Точно так же можно было предположить и то, что наркокурьер — кто-то из челноков, отправленных в отдел. Кто-то, посчитавший за лучшее не афишировать при милиции свое право собственности на эти сумки, а поэтому...

— Ладно, коллеги, сейчас закончим тут, приедем в отдел и разберемся со всей этой неразберихой, — подытожил неудачным каламбуром следователь. — А насчет пропавшего пассажира... — Он ограничился пока тем, что отрядил одного из оперативников повторно опросить толстого челнока о приметах его таинственно исчезнувшего соседа.

Катя присутствовала при осмотре автобуса и наблюдала за кропотливой работой эксперта-кримина-

листа. Раз не уехала в Красноглинск сразу, теперь лучше подождать, когда здесь все закончат. Надо держаться поближе к этому деловитому следователю. Андреев, кажется, его фамилия...

Солнце пекло немилосердно: час дня. Ого, как время летит! Оператор, закончив видеосъемку, угнезвился в тени кустов боярышника на обочине. Туда же с дороги уползла и Катя. А следователь, эксперт, оперативники под палящими лучами все еще осматривали дорожное покрытие — на асфальте шоссе кое-где отпечатались бурой глиной фрагменты протекторов разбойничьей «девятки».

И тут вдруг из-за поворота послышались резкие переливы милицейской сирены. А затем вылетел на всех парах, дребезжа и вихляясь, словно параличный, старенький «уазик»-«канарейка» — средство передвижения дежурной части Красноглинского ОВД. «Канарейка», взвизгнув, тормознула возле «Икаруса».

— Надо же... еще одно... — донеслось до размлевшей от жары Кати. — В прокуратуру уже звонили — прокурор на обеде, отъехал, ждут. Если здесь закончили, перебрасывайтесь туда. Там работы...

Катя слушала через силу: Господи, какая жара! И это только еще середина июня! Какое-то новое происшествие... Так всегда бывает: не сложились с утра дежурные сутки, значит, как в пословице будет — таскать не перетаскать...

— Колосову в главк уже звонили... Сказал, что едет, чтобы начинали там пока без него...

Катя заставила себя отлепиться от спасительной тени кустов. Насторожилась. Это что еще такое? Если Никита Колосов — начальник отдела убийств областного уголовного розыска, у которого сегодня (это было ей доподлинно известно) соревнования по стрельбе на тренировочном полигоне в Видном, бросает все и мчится сюда, то...

— А что случилось-то? — вкрадчиво спросила она у молодого, мокрого, как мыш, от трудового перенапряга на солнцепеке оперативника, лицо которого,

однако, выражало самый живейший интерес к происходящему.

— Жмурик, — интимно сообщил он, — в дежурку какой-то дачник сообщил. Они с семьей в лесу оставились на минутку. Там овраг, а через него мосточек. Ну, жена спустилась и вдруг кричит: да тут крови полно! Там под мостом труба для сточных вод, ну, а он вроде в ней...

— Кто? — Катя испуганно округлила глаза.

— Да жмурик, я ж говорю. Ноги только наружу торчат. Сейчас поедем... Эй, Катя, вы куда? Вы же на машине — так нас с напарником захватите! Это ж сорок седьмой километр у Кошечки, на границе района.

Катя от неожиданности едва не споткнулась: ну и названьица в Подмоскovie у деревень! Тихий Погост, Кошечка, Красные Могилы, например... И охота жителям обзывать места, где они «родились и сгодились», так мрачно?

...И теперь, сидя в душном кабинете пресс-центра, она снова и снова вспоминала то странное чувство, охватившее ее, когда она уже садилась в машину. Она, помнится, машинально оглянулась: «Икарус», раскалившийся на солнце, сожженная жарой трава в кювете, темная стена леса по обеим сторонам шоссе, дорожный указатель на аэропорт. А над всем этим белесое от зноя небо — как опрокинутая чаша. А в нем — высоко-высоко черная точка. Жаворонок? Скорее галка; какие сейчас жаворонки, откуда? И как в «Неуловимых»: И — ТИШИНА-А-А...

Дико даже представить, что всего каких-то несколько часов назад здесь гремели выстрелы, кричали и бесновались люди...

И только сейчас, уже на исходе дня, вспоминая с содроганием то, что довелось ей увидеть в ТОМ ОБРАТЕ у той самой Кошечки, Катя понимала: насколько лжива и обманчива была призрачная летняя тишина на подмосковной дороге.

КРАСНЫЙ ОКЕАН

В жаркий полдень, когда дрожит и плавится от зноя воздух над заросшими сорной травой полями, когда липнет асфальт к подошвам, осматривать явно криминальный труп — это, знаете ли, весьма сомнительное удовольствие.

Сама Катя в этом отношении была человеком крайне робким и брезгливым. Однако по роду служебной деятельности осмотра мест происшествий — ДТП, разбойных нападений, ограблений и ДАЖЕ убийств ей было не миновать. «Картинка», снятая на природе, — соль любого репортажа, а личные впечатления криминального обозревателя на месте происшествия — девяносто пять процентов успеха любой статьи, но... Но каждый раз, когда судьба и собственное безрассудное любопытство толкали ее на этот опрометчивый шаг, сердце Кати замирало в груди, а потом тревожно ухало куда-то вниз к спазматически ноющему желудку. И она старалась с самой первой секунды настроить себя на энергично-деловитый лад, отсесть эмоции и... Но это было легко на словах, а на деле-то...

Когда они с оператором и сыщиками подъехали на сорок седьмой километр и оперативники выскочили из машины и через кусты напролом заспешили к оврагу, Катя вылезать не торопилась и лишь пугливо вытягивала шею, стараясь и одновременно страшась увидеть «жмурика».

— Ну что же ты? Выходи. — Оператор что-то тоже, однако, преувеличенно деловито возился с камерой.

— Сейчас... А где он?

— Оно. Тело. Там, — и оператор сделал жест, каким в римских амфитеатрах зрители приказывали победителю-гладиатору прикончить раненого противника.

И тут Катя внезапно узрела Никиту Колосова. Умение начальника отдела убийств уголовного розыска области неожиданно появляться в тех местах, где его ждут, скажем, ну только лишь через час или вообще к вечеру, изумляло Катю. Ведь Никита с утра был в Видном: палил по-македонски, или как там это делают они, настоящие профи, по движущейся мишени, а от Видного до Красноглинска — дай Боже сколько, но...

Правда, у Колосова теперь новая машина. Старушка «семерка», с которой он, кажется, сроднился и сросся, отдала концы, и Колосов, подначиваемый приятелями, купил себе на Южном рынке подержанную «девятку». Зато самого лихого и бандитского вида — черную, как жужелица, да еще с какими-то пижонистыми «подкрылками», которые, согласно дурацкому вкусу автомобильных купцов, должны были слегка облагородить отечественный жигулевский силуэт, придав ему иномарочный шик.

Известно, что не место красит человека, тем более не новая, пардон, подержанная тачка. Но с тех пор как Колосов пересел на нее, Катя стала замечать в нем кой-какие новые черты. Так, на мускулистой и загорелой шее начальника отдела убийств с некоторых пор появилась тонкая серебряная цепочка. А ведь прежде Никита ничем себя не украшал.

Но сейчас эта серебряная полоска, видимая в вырезе расстегнутой по случаю жары рубашки, в сочетании с пыльной бандитской «девяткой» и пистолетной кобурой из желтой телячьей кожи придавала Колосову дурацкий молодецкий вид, что одновременно позабавило и раздосадовало Катю. Среди ее друзей в «крутого» до сих пор еще не надоело играть одному лишь драгоценному В. А. Кравченко — ее молодому человеку, личная жизнь с которым... Впрочем, обдумывать свои переживания было несколько неуместно. Однако (так уж легкомысленно она была устроена Создателем), прежде чем окончательно выйти из машины и поздороваться с Никитой, Катя успела еще подумать

и о том, что с некоторых пор большинство участковых Подмосковья, а также весь прочий младший и средний оперативный состав посетило странное поветрие: все эти профи начали появляться на службе со скромными серебряными печаточками на безымянных пальцах. Кате было крайне любопытно, но, как она ни доискивалась, вычислить истоки этой повальной моды ей так и не удалось.

— Ух и жарко, Катерина Сергевна... Катя... привет, — Колосов выпалил все эти нескладушки единым духом. — Думал, изжарюсь заживо, а ты... ты давно здесь?

— С половины одиннадцатого, мы автобус только закончили осматривать. В Красноглинск все никак не доедем. Этих-то ведь уже задержали. — Катя, хотя она и была рада видеть Колосова, напустила на себя деловой вид.

— А, этих... Ладно, — Колосов махнул рукой. Ясное дело: авторазбойники — не его клиентура. Ими в розыске занимается специальный автотранспортный отдел, начальник и половина личного состава которого пеклись на солнце с самого утра, изыскивая и закрепляя на месте происшествия возможные доказательства по делу. Колосов же к случившемуся с челноками, увы, равнодушен, а к славе коллег — ревнив. Как же, у транспортников красивое и громкое задержание дерзкой банды (тут Кате внезапно пришло на ум, что черная «девятка» бандитов как две капли, вероятно, похожа на колосовское приобретение), а у начальника отдела убийств повис на шее новый жернов, как выражаются в розыске, жмурик, о котором...

— Он с автобуса, что ли? Дежурный из Красноглинска звонил — я не въехал поначалу, сообщили только... — но тут Колосов запнулся. И Катя поняла: дежурный сказал ему по телефону что-то такое, о чем намеренно умолчали в разговоре с ней. **Нечто такое об этом трупе**, что заставило Колосова, даже малость «не въехавши в ситуацию», все разом бросить и помчаться сломя голову из Видного по раскаленной, забитой

транспортом дороге сюда, на сорок седьмой километр.

Однако, поразмыслив, Катя решила не торопиться и, придав себе крайне степенный и загадочный вид очевидца (как-никак она оказалась тут раньше этого самоуверенного профи), начала обстоятельно рассказывать Колосову о предшествующих страшной находке событиях.

Никита (и это тоже было на него не похоже) на этот раз не спешил на место происшествия: он стоял, терпеливо слушая Катины сбивчивые: «а потом мне сказали... вещи... анаша в сумках... а потом челноки...»

— Так, ладно. Пропавший, сбежавший, сгинувший, канувший... пассажир... Ким? Так его сосед называл, говоришь, Катерина Сергевна? Корейское имя. Кореец, значит... Говорят, они собак на свадьбах едят, тех, что с синими языками, — чау-чау. — Колосов внезапно вскинул на Катю быстрый взор и тут же опустил глаза, а окончание этой нелогичной тирады вообще оказалось неожиданным: — **Ты туда не ходи.** Лучше посиди со своими телевизионщиками в холодильнике. **Нечего тебе там смотреть.**

И по тому, **как он это произнес**, Катя поняла: дело очень серьезное. Более того — дрянь дело. И легкомыслие тут уже не то что неуместно, а даже просто неприлично.

Но она не успела его ни о чем спросить: рядом затормозила старая, вся в пятнах коррозии прокурорская «Волга» — прибыл прокурор Красноглинска. И через минуту они с Колосовым уже спешили к оврагу, тихо, но горячо что-то на ходу обсуждая. Катя же осталась у машины.

Прошло минут пять. Сейчас, вспоминая в своем родном кабинете пресс-центра ВСЕ ЭТО, Катя думала о том, что в те мгновения в ней, видимо, сработал инстинкт самосохранения, предупреждавший ее: **НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО. ОСТАНЬСЯ ЗДЕСЬ: ПОСЛЕ УЗНАЕШЬ ВСЕ С ЧУЖИХ СЛОВ, И ТАК БУДЕТ ЛЕГЧЕ, ПОТОМУ ЧТО ПРО ЭТО ЛУЧШЕ УСЛЫШАТЬ, ЧЕМ**

УВИДЕТЬ ВООЧИЮ. Увидеть... А еще она думала (а по спине полз, полз противный липкий холодок): **СКОЛЬКО ЖЕ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КРОВИ В ЧЕЛОВЕКЕ...** Целое море. Безбрежный красный океан.

Подъехала «Скорая». Видимо, кто-то из сотрудников милиции вызвал ее по рации через дежурного, и она только-только доползла из города. Обычно «Скорая» так безмолвно не прибывает — ни тебе сирены, ни синих мигалок. И вообще, она больше походила на похоронные дроги. Медбратья в синих комбинезонах медленно направились туда, куда и все, — к оврагу. И только тогда Катя двинулась за ними следом. Оглянулась, ища оператора — надо же, а он испарился. Наверное, давно уже на месте снимает, а я-то... Уснула, что ли, на ходу?

К горбатуму, покосившемуся от времени бетонному мосту через овраг можно было подойти по шоссе, однако, как с удивлением отметила Катя, все «официальные лица» — сыщики, судмедэксперт, прокурор, следователь и начальник отдела убийств и даже эти вот айболиты в синем — двинулись в обход: вниз по крутому склону, заросшему травой и кустами.

Загадка тут же прояснилась. На обочине в кустах дежурил один из оперативников.

— На мосту и шоссе криминалист работает, — пояснил он Кате. — Просил, чтобы там никто пока не бродил. Спускайтесь, если хотите, во-он там. Только осторожно — скользко и крапивы полно.

Катя поинтересовалась, отчего это на дороге ни одной машины. Оперативник буркнул, что на повороте перекрыли движение.

— А вообще-то здесь сейчас мало кто ездит. Мост совсем недавно починили, а то два года все крюк делали, — добавил он. — И вообще... Нечего им, посторонним то есть, пялиться тут. И так уж... Чем меньше про это паскудство в городе узнают, тем лучше.

Трава на склонах оврага была по пояс — влажная, несмотря на жару, сочная. Белые зонтики дудника качались, осыпая Катю душистой пылью, когда она

раздвигала их руками. На сломанных стеблях выступал густой сок. От влаги, солнца, аромата цветущих трав у нее перехватывало дыхание. А потом она услышала глухое гудение, точно где-то внизу, в зарослях орешника и черемухи, работал маленький неутомимый мотор.

Мухи! Господи ты Боже мой, такое количество мух Катя видела впервые в жизни. Синие, черные, зеленые с металлическим отливом, крупные, точно слепни, сытые мухи — падальщики, трупоеды. А потом она увидела, а точнее, почувствовала и то, что их привлекло в таком количестве в этот овраг, эту вырытую в глине тальми водами гигантскую могильную яму.

На дне оврага, заросшем мхом и осокой, на этом изумрудно-зеленом фоне четко выделялись темно-багровые пятна. Точнее лужи: маленькая, побольше, еще побольше, еще...

В первые секунды Катя, щурясь (после слепящего солнца глаза плохо привыкали к тенистому сумраку), еще не могла различить, что это, но затем... Огромная лужа крови растеклась по траве. И к запаху зелени, черемухи, земли, глины, нагретой солнцем смолы на стволах уже примешивался тошный смрад, от которого подкашивались ноги, хотя так и подмывало бежать, бежать прочь без оглядки.

Возле кровавых луж работали эксперт из местного ЭКО и один из оперативников, которому следователь, видимо, поручил помочь эксперту собрать образцы травы и почвы. Сейчас, сидя у себя в кабинете, Катя вспоминала их лица — бледные, напряженные, покрытые испариной. Никогда еще ей не доводилось видеть так явственно, как люди, собрав в кулак всю свою волю, пересиливают себя, чтобы не бросить все это — эти пропитанные черными вонючими сгустками клочки мха, катышки глины, которые нужно аккуратно упаковать и опечатать как вещдок... Горек хлеб милиционера, ох как горек! А порой он вообще не лезет в горло — застревает комом. Только водка и по-

могает или спирт... А судить легко тем, кто ничего этого не видел...

Но самое жуткое еще ожидало Катю впереди. Кровь — это было лишь начало. Катя увидела Колосова. Он, следовательно, судмедэксперт в комбинезоне, прокурор — все были под мостом, где поперек оврага была уложена неизвестно для какой надобности (вроде для стока вод, хотя они в нее и не попадали) огромная ржавая труба. Кровавый след на траве вел именно к ней.

Катя остановилась на склоне оврага. Туда, вниз, было нельзя, там работали ее коллеги. Колосов и все остальные осматривали нечто, только что извлеченное ими из трубы. И это нечто было полуголым человеческим телом. Только очень странным телом, в котором не хватало самого главного, отчего оно казалось каким-то чудовищным, неестественным обрубком, чем-то искусственным и несуразным.

Катя споткнулась о выступающий корень и судорожно ухватилась за куст. Черт, шиповник! Одурающе ароматный, усеянный восхитительными цветами — такому место в райском саду, а не в этой яме. Шипы впились в ладонь, но она даже не почувствовала боли, потому что...

У тела в траве не было головы. От плеч — пустота: багровая жуткая рана. Когда отчленили голову, кровь хлынула рекой и вытекла до капли.

Катя поймала себя на мысли, что ее лицо сейчас, наверное, такое же, как у тех двух — эксперта и опера: искаженное еле-еле сдерживаемым отвращением. Этот обезглавленный труп в луже крови просто ужасен. Он омерзителен.

Но она одернула себя: хватит. Прекрати это! Перед тобой изуродованное человеческое тело. И всего каких-то несколько часов назад его обладатель был жив и, быть может, прекрасен, как Аполлон. А теперь он действительно тлен и ужас, прах, предмет осмотра, работы твоих коллег и твоей, кстати говоря, тоже, потому что в этом овраге произошло нечто страшное —

убийство и надругательство над человеческим существом. И не обезглавленный мертвец — чудовище, а те или тот, кто это сотворил с ним.

— Екатерина Сергеевна, про ЭТО пока никто не должен знать. Ни одна газета, ни один журнал. Очень на вас надеюсь, ну, да мы и в прошлом друг друга всегда понимали. Пока дело не прояснится — ни строчки для печати или телевидения, — это сказал начальник Красноглинского розыска Жаров. Катя и не заметила, как он подошел. Она торопливо кивнула.

— Конечно. Как скажете, Григорий Петрович. Но я могу сейчас хотя бы для себя послушать выводы патологоанатома?

— А он пока никаких выводов и не делает. До вскрытия все откладывает.

— А насчет времени совершения... когда все это... весь этот ужас...

— Давность — более пяти часов. Но его убили не здесь, Екатерина Сергеевна, — Жаров мрачно глядел на склон оврага. — Убили наверху на мосту. Видимо, он приехал с кем-то на машине. Потом труп перенесли сюда. Ну, и уже здесь...

Катя прикинула в уме: давность наступления смерти пять часов. Выходит, убивали ранним утром — около половины седьмого, спустя всего каких-то два часа после того, как не так далеко отсюда было совершено нападение на автобус с челноками, когда там уже была милиция и...

— Дежурный передал перечень того, что изъято при обыске у задержанных, — подойдя поближе, она услышала обрывок разговора следователя прокуратуры и прокурора. — Значит, у них при себе было два газовых пистолета типа «ПМ» калибра девять миллиметров, пистолет «ГТ», боеприпасы к нему, а также два неиспользованных газовых патрона, две мобильные радиостанции, две тротилловые шашки — их в багажнике обнаружили, четыре шерстяные маски и комплект полевой военной формы с капитанскими погонами. Но ничего такого, чем бы можно было...

— Нож, топор? Их не нашли? — Прокурор хмурился.

Следователь отрицательно покачал головой, заметил:

— Нелогично предположить, что они выбросили их, оставив все остальное оружие. В автобусе они стреляли, там мы гильзы нашли на полу.

Катя поняла: речь идет о задержанных из черной «девятки». Во время личного обыска у них **не найдено** никаких орудий, которыми можно было бы... Она вытянула шею, осматриваясь, стараясь одновременно не упустить ничего из разговоров, но и не мозолить глаза красноглинскому прокурору — он мог запросто отправить хоть и ведомственную, но все-таки прессу вояси, чтобы не «мешала расследованию». К Никите сейчас тоже лучше было не соваться.

— Ну так. Можно заносить в протокол, — судмедэксперт разогнулся, потирая поясницу. — Наживу радикулит, как пить дать... Значит, что здесь у нас? У потерпевшего единственная колотая рана — ножевая, по всей видимости, в области сердца. Смерть наступила мгновенно. Били очень точно, профессионально, зная, куда надо бить. Второго удара даже не потребовалось. Далее: незначительные ссадины и кровоподтеки на спине, плечах и пояснице образовались, видимо, вследствие последующего волочения тела. Примечательно, что перед операцией отчленения потерпевшего раздели до пояса. Скорей всего потому, что ворот куртки или рубашки мешал операции. Одежда на месте происшествия не обнаружена, так... Теперь шейный отдел... — Тут эксперт снова опустился на колени. — Все и здесь сработано опять-таки профессионально. Орудие, которым все это делали, специально приспособлено к такому роду операциям. Не могу категорически утверждать, что это хирургический инструмент. Но это что-то с острым, тяжелым и достаточно широким лезвием.

— Не топор, значит? — Катя услышала хрипловатый голос Колосова.

— Не топор, Никита Михалыч, что-то иное. Поверьте, рубленую рану я как-нибудь да отличу. Далее идем: что еще можно сказать при первичном осмотре? Тело принадлежит лицу мужского пола. Возраст примерно 25—30 лет. Нормальное телосложение, средняя упитанность. На груди татуировка — обратите внимание какая. На правом предплечье шрам от прививки оспы в форме треугольника. Какие-либо иные шрамы либо следы хирургических вмешательств отсутствуют. Далее: ногти потерпевшего...

Катя слушала уже вполуха. Ее начинало тошнить от запаха крови. А потом все равно ей пока все это мало что говорило: взятое для исследования содержимое из-под ногтей потерпевшего, наслоение микрочастиц на его коже, одежде (остатках ее)...

Она заметила, что и Никита слушает эксперта тоже хоть и внимательно, однако... Он присел на корточки возле трупa, выбрав наиболее сухой, незамазанный кровью участок. Все его внимание сейчас было направлено на кроссовки на ногах убитого — фирменные, массивные, на очень толстой подошве, перепачканные желтой глиной. По левой подошве он даже легонько постучал. Катя подошла ближе.

— Славная обувка, а, Катя? Не находишь? — Катю всегда удивляла манера Колосова «общаться спиной», точно у него на затылке имелась запасная пара глаз.

— Кроссовки как кроссовки. Китайского производства скорей всего. У них клей слабый. Дешевка.

— Нет, клей тут не слабый. Хотя, сдается мне, для долгого ношения эти тапочки вроде и не приспособлены. — Колосов встал. — Надо бы сегодня все с этим парнем закончить, а? — Он вопросительно глянул на патологоанатома.

Тот в свою очередь покосился на прокурора и лишь обреченно и устало кивнул: эх, начальство, торопите все со вскрытием, а работы и так невпроворот...

— Мы, с вашего позволения, поприствуем, —

сказал ему прокурор. — Во сколько думаете начинать вскрытие?

Катя близко наклонилась к Колосову. Хотя она немного попривыкла, однако зловоние, витавшее в овраге, до сих пор вызывало у нее в горле спазмы, и голос ее охрип:

— Никита, ты думаешь, это тот челнок с автобуса? — спросила она.

Колосов точно зачарованный не сводил взгляда с кроссовок убитого.

— У него на груди татуировка — пион. Потом кожный пигмент какой, обрати внимание. А потом... Хотя ничего пока и не говорит прямо, что это и есть тот пропавший так загадочно тип. Но ничего не говорит и об обратном... Словом, я эти кроссовки сначала хочу посмотреть. А в сумках анаша, говоришь, была?

Катя смотрела на него с недоумением. Ей показалось, что Никита, видимо, и вправду пережарился на солнце, ибо, как и в случае с байками о поедании собак на корейской свадьбе, несет уж какую-то явную околесицу. Но...

Глава 3

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

За окном стремительно наступал вечер, не принося с собой, однако, особой прохлады. Катя все сидела одна-одинешенька в душном кабинете, уставясь на выключенную пишущую машинку.

В половине девятого вечера за ней на Никитский должен был заехать Вадим Кравченко, а далее их путь лежал в Шереметьево-2, где в половине первого ночи они должны были встретить Сергея Мещерского, наконец-то вернувшегося из... Это жуткое Сережкино путешествие в Индонезию едва не довело Катю до

сердечного приступа. Турфирма «Столичный географический клуб», одним из многочисленных совладельцев которой и состоял Мещерский, как всегда, переживала тяжелые времена (а когда они были легкими для этих чокнутых «географов?»).

Организовав с грехом пополам две поездки на Тибет, фирма понесла катастрофические убытки: горепутешественники растеряли большую часть горного снаряжения и угробили две из четырех взятых напрокат машин, за которые пришлось платить полную стоимость.

Увы, несмотря на все превратности судьбы, Мещерский и его компаньоны-«географы» продолжали практиковать нетрадиционный спортивный туризм, а на него находилось не так уж и много охотников. Дайвинг, сплав по горным рекам, ночевки в палатках у костра в джунглях, полных малярийных комаров и ядовитых многоножек, привлекали своей походной романтикой лишь немногих сильных духом. Но у таких (оголтелых, как выражался Кравченко) туристов-подвижников денег особых не водилось. И поэтому «Столичному географическому клубу» приходилось максимально снижать цены на туры, что, естественно, не способствовало росту его доходов.

Новое сумасбродство — велопробег через пустынные районы Туниса — тоже особого барыша не принес. Все в основном потратили на оплату «авиадоктора» — одному из путешествующих среди раскаленных солнцем барханов стало так худо, что его пришлось срочно эвакуировать самолетом в местный госпиталь, а это не входило в медицинскую страховку.

В этом году, тщетно пытаясь удержаться на плаву в острой конкурентной борьбе, «географы» несколько дрогнули. Мещерский и его компаньоны начали-таки работать с нормальными, посещаемыми обычными туристами курортами. В планах осени—зимы стояли традиционный Таиланд и Гавайи, но... Мещерского понесло еще дальше: остров Бали — тропический рай! Впрочем, и тут «географам», как всегда, не повезло.

Как раз, когда Мещерский и двое сотрудников «клуба» отправились в Джакарту налаживать контакты с принимающей индонезийской стороной, там начались уличные беспорядки, быстро перешедшие в настоящие побоища и погромы. Полторы ужасных недели от Сережки не было никаких известий. Катя вся извелась. Вадим Кравченко — а Мещерский был его самым близким и давним другом — хотя внешне держался спокойно и старался вдолбить испуганной Кате, что «все будет хорошо», тоже сильно переживал. Он развил бурную деятельность, пройдясь по всем своим прежним связям, сохранившимся с той поры, когда он еще работал на Лубянке (где, впрочем, давно уже сменились и вывеска, и состав сотрудников), откопал телефоны всех своих однокашников по Университету имени Лумумбы, который они с Мещерским заканчивали, поставил на уши всех, кого мог, всех работавших на дальневосточном направлении сотрудников фирм, посольств, торговых представителей, советников, дипломатов. Но однокашники лишь руками разводили: «Вадя, дорогой, пойми, и нам жаль Серегу, но где Джакарта и где мы? Как мы можем вытащить его оттуда?» Звонили в наше консульство в Джакарте (находившееся, как и все посольства, на осадном положении) и в представительство Аэрофлота, но нигде и никто о Мещерском и его сотоварищах ничего не знал.

Катя с ужасом слушала каждый вечер новости о происходящем в Индонезии и жарко молилась Богу, чтобы все гражданские битвы, войны на этих далеких тропических островах миновали дурака безмозглого Сережку Мещерского, чтобы он вернулся... Дважды они с Кравченко ездили в Шереметьево встречать самолет — сначала аэрофлотовский, затем МЧС, но сотрудников «географического клуба» на них не оказывалось.

И вот, когда и зареванной Кате, и пытавшемуся сохранить присутствие духа Вадиму уже начинало казаться, что дело действительно — труба, Мещерский

наконец объявился, притом целехонек! Позвонил по телефону, особо не распространялся, сообщил, что в Джакарте в аэропорту в эти дни творилось Бог знает что — европейцы спешно бежали, страшась погромов и убийств, билетов было, естественно, не достать, и тогда, по словам Мещерского, они с ребятами — «тут к нам еще одна группа наших присоединилась» — решились «морем уходить в Сингапур».

Это очень было похоже на Миклухо-Маклая, как звал Мещерского Вадим: морем! Да не куда-нибудь, а в Сингапур! Бананово-лимонный...

Катя не знала, что ей делать: плакать, злиться или смеяться. Она все представляла себе маленькую, хрупкую фигурку Сергея за штурвалом... На чем это они уходили — то бишь драпали? Это мог быть и катер, и яхта, и ржавая баржа, и китайская джонка, и даже утлый бамбуковый плот. Впервые она тогда подумала (со странной ноткой сожаления): «А хорошо, что я все-таки вышла замуж не за Серезку, а за драгоценного В. А.».

Малый рост Сергея Мещерского компенсировался пылавшей в его душе неукротимой жаждой, как говорили хоббиты, «страшных опасностей и ужасных приключений», и эта жажда толкала Мещерского в такие уголки, о которых прежде простой советский человек слышал только от Юрия Сенкевича. И мужем, конечно, такой бродяга был бы не очень... Каким? Катя не понимала лишь одного — откуда тогда эта нотка сожаления в ее размышлениях? Ведь что сделано — то сделано.

В Сингапуре Мещерский провел еще семь дней в ожидании аэрофлотовского рейса, и вот наконец-то в половине первого ночи...

Катя подошла к окну: Бог мой, какой сегодня длинный день! Как началось с утра с этими челноками, потом этот кровавый ужас в овраге... Дело, которое на первый взгляд было уже закончено громким задержанием дорожных бандитов, на самом-то деле только начиналось. И как начиналось! Кто убил этого

несчастливого, изуродовав его таким жутким способом? Зачем труп отчленили голову? Самый простой вывод вроде бы напрашивался сразу: чтобы затруднить его опознание. Тогда получается, что личность убитого каким-то образом выводит на его убийцу. Так, что ли? И тогда получается, что...

Но отчего Никита так необычно себя вел? Примчался... хотя что ж тут удивительного, ему по инструкции полагается как начальнику отдела по раскрытию убийств лично выезжать на подобные ЧП, и все же... И с прокурором они все о чем-то шептались, и вообще складывается такое впечатление, что... что Никита либо ожидал чего-то в этом роде, либо... Быть может, у этой истории уже было начало, и совсем иное?

Но тут Катя оборвала себя: что толку гадать попусту? Завтра она постарается подлизаться к Никите и, возможно, кое-что разузнает. Возможно... Это смотря какое у начальника отдела убийств будет настроение. К тому же освещать это преступление в прессе ей пока строго-настрого запрещено. Оно и понятно: пока преступник-чудовище не найден, нечего распускать по области жуткие слухи о новом маньяке. А найдут ли его еще, нет ли — вилами на воде писано, так что...

Но если учесть, что по части сенсационных материалов сейчас полный ноль, а сводки полны лишь банальнейшей бытовухой и писать абсолютно не о чем, то на перспективу такое загадочное и страшное происшествие стоит взять на заметку и раскрутить и...

Тут Катя взглянула на часы: так и есть, уже опаздывает! Интересно, а закончилось ли вскрытие в красноглинском морге и что нового сказал об убитом патологоанатом? И главное: можно ли отождествить пропавшего из автобуса корейца-наркокурьера с теми изуродованными останками? «Я видела тело собственными глазами, — думала она. — Но принадлежат ли эти останки именно корейцу? Колосов что-то говорил о татуировке-пионе, а я даже и не заметила ни-

какой татуировки. Тряслась как лист осиновый от страха — где уж тут замечать? Ладно, будет новый день, возможно, что-то и с этим делом прояснится, а сегодня вечером...» Катя снова глянула на часы и засуетилась.

Конечно, она могла преспокойно уйти с работы вовремя и дожидаться поездки в аэропорт дома, но с некоторых пор, точнее, с начала чемпионата мира по футболу дома Кате находиться стало совершенно невозможно. Кравченко не отлипал от телевизора, когда не дежурил, охраняя драгоценную персону своего традиционного работодателя Василия Чугунова, в просторечии среди охраны, близких и друзей именуемого не иначе как Чучело. На кухне, в комнате грохотало, выло, свистело, дудело, било в барабаны и литавры, что-то скандировало футбольное племя. Когда же Кравченко заступал на суточное дежурство, все пропущенные матчи записывались на видео, а после прокручивались бесчисленное количество раз, так что у Кати начинало мельтешить в голове от пятнистых мячей, футболок, бутс и победных или разочарованных (смотря по обстоятельствам) воплей Кравченко.

Нельзя сказать, чтобы Катя совсем не любила футбол. Любила! Свой первый чемпионат смотрела еще будучи школьницей — тогда чемпионами стали итальянцы, за которых она впоследствии болела всегда. Она даже втайне гордилась своими познаниями: невежа Кравченко с трудом вспоминал фамилии футболистов, забивших золотые голы, его интересовала лишь жесткая игра англичан да драки болельщиков, а она, Катя, знала прежних мировых звезд — Платини, Росси, Маттеуса, Бухвальда, Марадону, Руммениге даже по номерам. А в Дино Зоффа — божественного вратаря итальянского «Ювентуса» даже была влюблена по уши в выпускном классе. Но она любила футбол тихо и восторженно, более обращая внимание на симпатичных футболистов, выискивая себе очередной идеал наподобие Зоффа. А драгоценный В. А. просто пугал ее разгулом первобытных инстинктов, которые

выплескивались из него во время трансляций из Парижа. Драгоценный В. А. вообще был грубиян, а еще лентяй, лодырь и... Но они были вместе уже столько лет, что порой он представлялся Кате чем-то вроде ее второго «я». Это была ее вторая ипостась — шумная и громоздкая, однако такая родная, что лишиться ее означало, наверное, перестать жить.

Кравченко ждал ее в машине у Зоологического музея, напротив здания ГУВД, сияющий и довольный. Она объяснила его радость тем, что его закадычный друг возвращался из дальних странствий. Но нет — причина отличного настроения Кравченко была совсем иной: в матче Англия — Тунис выиграли англичане. По дороге он долго мучил ее подробностями игры и потасовок на трибунах. У Кати от его повествований уже трещала голова.

Шереметьево даже ночью напоминало растревоженный муравейник. Внизу, в зале прилета рейс «Су-318» из Сингапура встречала такая толпа — что не протиснуться: родственники беженцев из Джакарты, носильщики-калымщики, шоферюги-извозчики, на ножах конкурирующие с таксистами. Мещерского первым увидел Кравченко.

— Извините, пардон, простите, экскьюз ми, скузи бэлла грацца... Не толкайтесь, а то ногу отдавлю, женщина, да не кричите вы, так он же вернулся! А ты вообще не возникай. — Кравченко, крепко держа Катю за локоть, точно ледокол, грудью прорезал толпу. — Серега, мы тут! Двигай по зеленому коридору! Ребята, таможня родная наша, этого пропустите вне очереди, это беженец, изгой режима, дорогу, дайте дорогу беженцу!

Мещерский, немного обалдевший от долгого перелета, пережитых злоключений, шума и суеты аэропорта, похудевший и осунувшийся от невзгод во время «бегства в Сингапур», но сияющий и смущенный (Катя успела его чмокнуть в щеки, лоб, нос, наверное, уже раз тридцать, тихо визжа при этом от радости), степенно протянул приятелю руку.

— Ну, здравствуй... Катюш, да я...

Кравченко сгреб в охапку его хрупкую фигурку, приподнял.

Уже на полпути к машине Катя вспомнила про багаж.

— Эх, Катенька, какой там багаж... Чемодан в отеле еще в Джакарте бросил. Взял что в карманах можно унести — документы, деньги. — Мещерский махнул рукой.

По дороге домой (Кравченко настоял, чтобы при-
ятель переночевал у них на Фрунзенской набереж-
ной) Катя с замиранием сердца слушала сагу Мещер-
ского о пережитом: о погромах и пожарах в Джакарте,
об убийствах китайских торговцев, разорванных разъ-
яренной толпой, о нападениях на европейских турист-
тов. Все это происходило так далеко, в чужой стране,
и странно даже было, что многие из этих ужасов Се-
режка видел собственными глазами.

— Что там с китайцами творили — прямо средне-
вековье, — рассказывал Мещерский. — Подожгли ки-
тайские кварталы — весь центр Джакарты. Многие за-
живо сгорели. А тем, кто спасался... Мы, когда из
города на побережье пытались выехать, видели... Ну,
словом, трупы обезглавленные...

— Обезглавленные? — Катя вздрогнула.

— Ну да. Ужас, конечно. Там у них и религиозный
антагонизм, и... — Мещерский поморщился. — Во
Вторую мировую в Шанхае японцы устраивали сорев-
нования, кто из офицеров больше обезглавит плен-
ных китайских солдат самурайским мечом. Причем с
одного удара... Катя, ты что на меня так смотришь?

— Н-ничего, — она отвернулась, — правда ниче-
го. Так. Я жутко рада, что ты вернулся. Больше мы
тебя никуда не пустим.

Мещерский только вздохнул. А Кравченко под-
мигнул ему в водительское зеркальце и начал расска-
зывать... О Боже, снова про свой футбол!

КРОССОВКИ С СЮРПРИЗОМ

Слишком много крови в человеке — мысль эта посетила в тот вечер Никиту Колосова, когда он стоял у анатомического стола в обветшалом морге клинической больницы города Красноглинска. В этом здании в стародавние дореволюционные времена помещалась богадельня, которую содержал и патронировал монастырь святого Феодора Стратилата — некогда городская достопримечательность, богатый и красивый, затем разоренный, загаженный, спаленный революцией и гражданской войной, но снова через столько лет восстанавливаемый из праха и пепла горсткой монахов-подвижников, от бедности, тяжких трудов и вечного поста более похожих (как казалось Колосову) не на воинов Христовых, каким был их патрон Феодор, а на бледные тени.

Это мертвое препарируемое тело тоже стало словно бы **бесплотным**: потеряло всю кровь, впитавшуюся в мох, траву и глину оврага у деревни Кошечевка. Однако группу крови потерпевшего определили довольно быстро. Патологоанатом провел и гистологическое исследование содержимого желудка — последний раз потерпевший принимал пищу более суток назад. Это уже вполне вписывалось в версию о том, что убитый — возможно, пассажир того самого автобуса. Ведь челноки обычно в дороге питаются весьма скудно и нерегулярно.

Патологоанатом внимательно осматривал и весьма изошренную татуировку на груди убитого. Отметил, что давность «изделия» — года три-четыре. Работа очень качественная — делал мастер своего дела. «Словно на дорогой китайской вазе картинка, — отметил патологоанатом и, явно желая щегольнуть своими познаниями, добавил: — Среди китайских эроти-

ческих символов пион означает женское естество. Точнее, саму его суть, матку».

Колосов усмехнулся про себя: поди ты, какой энциклопедист. И это над мертвым-то телом... Его же самого во время патологоанатомического исследования точно магнит притягивали аккуратно сложенные экспертом на боковом столике вещи потерпевшего: кожаный ремень, разрезанные ножницами брюки и кроссовки.

Именно от кроссовок начальник отдела убийств все никак не мог отвести глаз. Эксперт тем временем в который уж раз осмотрел рану на груди убитого. Его первоначальный вывод о причине смерти полностью подтвердился: пробита грудина, сердечная сумка, сердце. Смерть наступила мгновенно. Это повреждение, в отличие от повреждения шеи, причинено ударом колюще-режущего предмета — ножа с клинком длиной свыше пятнадцати сантиметров, направленным сверху вниз с большой силой.

— А потерпевший сидел или стоял в момент удара? — спросил Колосов как бы между прочим.

— Стоял. В сидячем положении направление раневого канала было бы... Хотя я сказал — сверху вниз... Но видите ли, потерпевший невысокого роста — 165 сантиметров всего. Убийца мог быть значительно выше и... — Эксперт, как дипломат, никогда не скажет прямо того, в чем не уверен: как хочешь, так и понимай.

— Можно предположить, что убитый по национальности — кореец? — спросил прокурор.

— Данные внешнего строения тела дают основание это предполагать, но... Основное доказательство, как видите, отсутствует. — Эксперт указал глазами на обрубок шеи трупа. — По виду — типичный монголоид. Но может быть и казахом, и киргизом...

— Киргизы, слава Богу, у нас в районе не пропадали, — откликнулся следователь Андреев. Хотя исследованием убийства уже занималась Красноглинская прокуратура, он после допросов челноков тоже

приехал на вскрытие. Дело о разбойном нападении на автобус было в его производстве. И если все же окажется, что убитый — пассажир автобуса, то...

— На шмотки его не хочешь взглянуть? — тихо шепнул Андрееву Колосов.

— Прямо тут, что ли? Я их в отдел заберу и там уж...

— Кроссовочки любопытные, а? — Колосов, словно не слыша возражений, в который уж раз повторил с восхищением: — Редкая обувь. Давай-ка тут все и осмотрим, Леша, не отходя от кассы. Я сейчас нянечек в понятые приглашу. Ты только, Бога ради, без меня эти лапоточки не трожь.

Через минуту под скорбными, осуждающими взглядами понятых-нянечек Колосов и Андреев приступили к осмотру вещей потерпевшего.

Несмотря на то что влекли его к себе в основном кроссовки, начальник отдела убийств оставил их напоследок, начав осмотр не с них. На брюках, разрезанных ножницами эксперта, имелось множество кровавых пятен. Брюки и ремень запаковали в целлофан. Это были исходные образцы для криминалистического исследования микрочастиц. Авось что и перепадет любопытное о том, с кем у обезглавленного был так называемый «конечный контакт».

Кроссовки, пыльные, черно-белые, массивные, на скрипучих липучках, Колосов сначала просто бездумно как-то повертел в руках, простучал рифленую подошву с цифрой 42. А затем вдруг извлек из заднего кармана брюк складной нож. Следователь Андреев иронически поднял брови, покосившись на эту полуразрешенную к ношению в качестве холодного оружия финку и на эффектную кобуру телячьей кожи, которая адски мешала начальнику отдела убийств в этот знойный день, — сыщики ж! Они без этого самого не могут. Оружие, кобура, автоматическое зарядное устройство, мобильный телефон на поясе — все эти хитрые штучки половина имиджа. Это трудяга-следователь — бумажная крыса, юридический клерк, у него таких игрушек не водится. У него лишь дело

под мышкой да старая шариковая ручка. А у угро по части всех этих профессиональных прибабасов... Но Андреев не успел додумать свою ехидную мысль.

— Никита, ты что делаешь? Это же вешдок!

— Спокойствие... только спокойствие. Понятые, красавицы мои, хорошо ли вам видно? — Колосов, поддев ножом созревшую от ножного пота стельку в правой кроссовке, с треском рванул ее вверх и...

— Какие такие сокровища хранятся в наших ка-лошах? Вот какие. — Он извлек плоский, туго наби-тый пластиковый пакетик, полный белого порош-ка. — И без экспертизы скажу, Леша, что это вряд ли поваренная соль.

— Черт, героин! Граммов двести, а то и все триста. — Андреев присвистнул. — Тайник.

Второй точно такой же увесистый пакетик был извлечен и из левой кроссовки.

— Наркокурьер. Выходит, тот самый. И сумка с анашой, значит, его. — Андреев уже безразлично смотре-л на обезглавленный труп. — Саранча поганая. По-тому-то он и рванул с автобуса во время той заваруш-ки... Ему, такому упакованному, встреча с милицией ни к чему. Да против этого богатства в подметках сумки с анашой-то ему — тьфу, мелочевка... А может, было все по-другому: эти наши отморозки с «девятки» знали, что в автобусе упакованный под завязку курьер. Ну, и уволокли его с собой как трофей, а потом уж...

— Секир башка, а героин бросили? — Колосов снова хмыкнул. — Не мы одни с тобой, Леша, умные. Если бы специально встречали курьера, знали бы и где главный товар искать. Кроссовки... да ты только посмотри на них. Тебе ничего не бросается в глаза? Это ж видно — нестандарт, платформа как у перво-курсницы.

— Но у него могли быть пакеты и в куртке. Его же раздели до пояса... — Андреев не спорил — просто раз-мышлял. — Они могли взять их и удовольствоваться...

— Но **все наши прежние не были наркокурьера-ми**, — тихо сказал Колосов. — И тебе это отлично из-

вестно: из следственного управления тебе разве не звонили, не информировали еще?

— Но это может быть и простое совпадение.

— Это? — Колосов смотрел на кровавый обрубок шеи трупа. — Игра в гильотину? Это, Леша, только у жаб в сказках в голове — бесценный брильянт, а у наших **безголовиков...**

Андреев выпятил подбородок: жест одновременно означал у него и «да», и «нет», и «ну ты даешь», и «сомневаюсь», однако дискутировать прекратил.

Из морга напрямиком направились в Красноглинский отдел милиции, где в следственном изоляторе все еще ожидали первого допроса задержанные «девятичники». Перед его началом Колосов провел с начальником местного розыска Григорием Жаровым (его сотрудники с самого утра прощупывали задержанных в частных беседах, именуемых «опросами подозреваемых») короткое, однако весьма полезное совещание, чтобы уяснить себе, кто есть кто в пойманной банде.

— Трое из них — наши местные. Уже проверили: все из Железнодорожного поселка, что у аэропорта, — рассказывал Жаров. — Машина принадлежит Васильченко Геннадию. Судя по всему, именно он у них и за шофера. Остальные: Говоров Иван, Говоров Константин — братья-разбойники. Один охранник магазина «Автозапчасти» в Быкове, второй, младший, безработный уклонист.

— От армии бегаешь? Давно? — спросил Колосов.

— Третий год. С Чечни.

— А проживал все время по месту прописки? В Железнодорожном?

Начальник Красноглинского розыска хмуро кивнул.

— К нам военкомат по поводу него не обращался. У меня, Никита Михалыч, и без этих бегунков забот выше...

Колосов махнул рукой — полная тишина, ша, как говаривал Шукшин. Не мне тебе, дорогой товарищ

Жаров, читать моралитэ. Вышестоящие товарищи на это найдутся. Прочтут — будь спокоен.

— А четвертый кто?

— Четвертого ихнего ты, Никита Михалыч, должен знать и помнить. Это Круглый Павлик.

— Круглый? Свайкин? Да неужели? — Колосов подался вперед. — Точно?

— Его физиономию мы еще не позабыли. Надо же... мало ему прошлого, подонку такому! Торжествовал тогда над нами, сукин кот.

Этого самого Круглого Павлика знали в Красноглинском отделе милиции: с ним было связано одно из самых больших поражений местных стражей порядка в борьбе с провинциальным криминалитетом. Круглый — трижды судимый за хулиганство и грабеж Павел Владиленович Свайкин одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, два года назад таким же вот жарким июнем убил человека — Джафирову Вартана, державшего на привокзальном рынке Красноглинска палатку турецкой кожгалантереи.

Об этом убийстве, хоть и произошло оно средь бела дня на глазах всего рынка — Вартан получил три удара ножом в живот, — никто из свидетелей-торговцев говорить не хотел. Однако, согласно обильной негласной информации, полученной Жаровым и его сотрудниками, Вартан и Круглый поспорили из-за места под солнцем. Информация причисляла последнего к сборщикам дани для...

Увы, все негласные слухи так и остались слухами. Переложить их на протокол в качестве правдивых и четких свидетельских показаний тогда так и не удалось. Как Круглый Павлик резал Вартана, видел весь рынок, но, когда приехала милиция, все в один голос твердили: ничего не видели, ничего не знаем. В довершение всего, с места происшествия каким-то загадочным образом пропало и главное доказательство — нож. В результате кое-как слепленное на косвенных «доках» дело против Свайкина начало трещать по всем швам уже на стадии предварительного расследования.

И в конце концов обескураженный суд присяжных (а в Красноглинске, как и в ряде районов области, проводился подобный эксперимент) оправдал Круглого Павлика за «недостаточностью доказательств его вины».

Прокуратура, красноглинские сыщики и сам Колосов остро переживали это постыдное фиаско, ибо на каждом оперативном совещании им припоминали этот злосчастный факт как вопиющий пример из рук вон плохой работы по раскрытию, расследованию, а главное, по сбору доказательств вины подозреваемого, взятого под стражу.

Из здания суда Круглый Павлик (кличку свою он получил за круглую, как бильярдный шар, обритую под ноль голову, увенчанную, словно локаторами, парой крупных, розовых, дурно мытых ушей) вышел с высоко поднятой головой и на какое-то время исчез из поля зрения милиции. Но вот, как оказалось, год свободы не был потрачен им впустую: Круглый успел сколотить мобильную банду и как мог улучшал на подмосковных дорогах свое материальное положение.

— Мы их по всем аналогичным эпизодам в области начинаем проверять, — хмуро продолжал Жаров. — Не только у нас были такие факты нападений на водителей-транзитников, но и на Симферопольском, на Каширском шоссе. Будем их теперь по всем датам гонять. А ты с кем из них, Никита Михалыч, толковать будешь по своему профилю? — Он выделил последнее слово особо: Колосову известно, что нужно от этих отмороzków. Круглый же, если учитывать его прошлое и новоприобретенную от безнаказанности наглость, вполне способен и на «профиль», интересующий сейчас начальника отдела убийств. — Учти: Васильченко — сопляк, с семьдесят седьмого года он, недоросток еще. А Ваня Говоров — на игле давно и крепко. Зрочки — с булавочную головку.

— С Ваней пусть Андреев потолкует, а я... я бы с Павликом сейчас прокатился. — Колосов недобро прищурился. — Под Котовского он челку все еще носит, нет?

— Лысины стыдится. — Жаров потер начинающую редеть макушку. — Это я вот все хочу тоже, да... Будут в городе языками трепать, что начальник розыска под бандюгу стилизуется.

— Не будут трепать, — Никита усмехнулся. — Человека по делам ценят. Побольше добрых дел, Григорий Петрович, и никаких сплетен, все зачтется. Ладно, пусть Свайкина мне покажут во всей его красе, я вниз пошел, в изолятор.

Жаров неодобрительно смотрел вслед начальству из главка: легко ему, Никите, — приехал, уехал, орел ты наш управленческий. А тут сидишь, словно приклеенный к земле, и еще это чертово убийство в Кошечевке... Как говорится: Бог дал, Бог взял. Дал успешное раскрытие серии разбойных нападений на дорогах, дал поимку вооруженной банды, а взял...

Жаров подошел к окну. Главное — не дергаться, не гнать сейчас волну. Даже если это МАНЬЯК — никто пока не должен о нем знать из посторонних. Только диких слухов в районе не хватало. Впрочем, подумал он тоскливо, соседи в Чудинове как ни скрывали **тех вьетнамцев безголовых**, а тухлый слушок там уже пополз об этом происшествии... Господи, что же это такое? Неужели это наш Круглый Павлик такое вытворяет? Нет, это было бы слишком уж просто. А в оперативной работе просто либо не бывает, либо...

Жаров снова потер макушку. Действительно, с поимкой Круглого и его компании **НИЧЕГО ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛОСЬ. ВСЕ ЛИШЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...**

Глава 5

«Я НЕ УБИВАЛ!»

Беседовать с гражданином Свайкиным по своему профилю Колосову не то чтобы не терпелось, а... Ему просто хотелось взглянуть на Круглого Павлика, снова

увидеть эти наглые гляделки, которые год назад после оглашения приговора в суде светились таким торжеством и злорадством. Не то чтобы начальником отдела убийств сейчас двигало низменное чувство мести и не меньшего злорадства, но... Лицезреть Круглого Павлика на тюремных нарах было чертовски приятно! Хоть одно положительное впечатление за эти сумасшедшие сутки.

А насчет трупа в кощеевском овраге... В глубине души Колосов сильно сомневался в том, что обезглавливание — новое хобби гражданина Свайкина со товарищи. И для таких сомнений имелись весьма веские основания. Однако кой-какие важные подробности происшедшего в «Икарусе» Свайкин и его подельники все же могли сообщить. Если бы, конечно, захотели. Но Колосов был готов спорить на что угодно, что Круглый Павлик, снова угнездившийся на параше, ни видеться, ни тем более откровенничать со своими взявшими наконец верх недоброжелателями в форме категорически не желает.

И все-таки...

В ИВС (изоляторе временного содержания) Красноглинского ОВД, если можно так выразиться, царило торжественно-приподнятое настроение. Колосов отметил, что лица дежурных охранников были исполнены важности. Поимка вооруженной банды вызвала нешуточный ажиотаж даже за этими толстыми бетонными стенами. Все суетились: по коридору то и дело конвой проводил **аборигенов** — задержанных ранее нарушителей правопорядка, перемещая их в другие камеры, **уплотняя**. Для Круглого и его свиты освобожились места. Всю четверку надо было рассредоточить по отдельным камерам, дабы они ни под каким видом не могли общаться друг с другом.

Мимо Колосова провели дремучую личность, более похожую на отпрыска снежного человека, чем на подследственного или подозреваемого. Существо несло под мышкой скатанный матрац весь в желтых пятнах с подозрительным запахом. Как пояснил Ко-

лосову начальник дежурной смены, это была главная достопримечательность изолятора — Юра Юродивый. Бомж, самолично избравший себе тюрьму в качестве жилища. Его постоянно задерживали за хулиганские действия, грубо нарушающие общественный порядок и отличающиеся особым цинизмом, как-то: отправление естественных надобностей в публичных местах — на площади перед зданием городской администрации, у подъезда местной прокуратуры и «в знак сидячего протеста» у дверей городского суда и управления жилищно-коммунального хозяйства. По его собственным признаниям, Юра совершал все эти циничные поступки «западло», дабы его снова и снова забирали в милицию, предоставляя «на халяву» кров и стол. Однако, уже будучи «на тюрьме», Юра Юродивый наотрез отказывался мыться, стричься и в результате благоухал так, что рядом с ним в камере редко кто выдерживал больше суток.

— Круглого, голубя, сейчас с этим и поместим, — плотоядно усмехнулся начальник дежурной смены. — Пусть они, сизокрылые, друг на дружку любят.

Этот мелкий садизм был, видимо, лишь началом тех неудобств житейского плана, кои ожидали Круглого Павлика в стане его заклятых врагов. И Колосов решил поспешать с беседой, пока Круглый, узрев своего вонючего сокамерника, не озлобился и не замкнулся.

Когда конвой ввел Свайкина в следственный кабинет изолятора, Павлик с тоской оглядел выкрашенные серой масляной краской стены и крохотное зарешеченное оконце, а потом сел на привинченный табурет и обхватил бритую голову руками. Колосов минуты две молча созерцал его розовую макушку, а потом заметил как бы между делом:

— Ну, это еще не самое плохое место, Паша. Отнюдь. Будут у тебя места и похуже. Как пить дать.

Свайкин не шевелился, напрочь игнорируя собеседника, которого, кстати, распрекрасно узнал. Как же, тот самый мент, который тогда, два года назад, когда

все так плохо начиналось и так благополучно кончилось в суде, на нескольких вот таких же беседах ядовито отравлял ему, Свайкину, уже начинавшую помаленьку налаживаться жизнь.

И тогда, и это Круглый Павлик тоже распрекрасно помнил, мент своего добился... Словом, с глазу на глаз с ним в кабинете Свайкин сознался в убийстве палаточника. Его тогда, правда, несколько успокаивала мысль, что постыдная уступка этому легавому — всего лишь слова, слова, слова. Как говорят бывалые люди — пустая мурзилка.

— «Вышку» и на этот раз по нашей гуманности ты, конечно, навряд ли получишь, Паша, врать и пугать тебя не стану, но... — продолжил Колосов задушевым тоном. — Но насчет пожизненного... Или, на худой конец, четвертачок...

Свайкин дернулся, словно его ужалили, и впился в мента яростным взглядом: Колосов грустно усмехался, словно жалея его, пропащего, а сам думал — вот сейчас Павлик лихорадочно кумекает, о каких же еще налетах (помимо красноглинского разбоя) может быть известно оперативникам. За ними много, много всего — по гляделкам его бегающим это ясно, но вот насчет убийств...

— Прошлый раз все тебе гладко сошло с рук, Паша. Легким испугом отделался. И обнаглел. Ой как обнаглел, парень. — Колосов скорбно пригорюнился. — Но ты думаешь, **то твое прежнее забылось?** Пусть не доказали тебе, но разве такое мы забываем, Паша? И теперь вот, ежели приплюсовать в совокупности — ну понимаешь, не маленький: один пишем, три в уме — все это твое прошлое и нынешнее, то получается... «Вышка» бы получилась, дорогуша. Но так как сейчас у нас на дворе гуманность, то...

— Ты **што** от меня хочешь? — хрипло спросил Свайкин. — Ты... ты зачем меня вызвал, а? Чего тебе опять от меня надо?!

— Чего тебе надобно, золотая рыбка... А ты догадайся. Видишь, мы и беседу-то с тобой начали, как

добрые старые корешки, словно и расстались-то всего полчаса назад... Ты догадайся, Паша, зачем я тебя вызвал. Должность мою ты, наверное, не забыл?

— Помню я вас... и должность вашу... твою помню. — Круглый Павлик скорчил презрительную, недоуменную гримасу. — Клевету поносную на меня возводили, дело фабриковали.

— Правду тебе говорил. А ты, помнится, после легких капризов тоже правду мне начал говорить, в отличие от того, что на суде потом лепетал. Но это дело прошлое. Не Варган, царствие ему небесное, меня сейчас интересует, не пальба ваша в «Икарусе» и все прочие ваши похождения на Каширском и Симферопольском шоссе... — По тому, как дрогнули веки Свайкина, Колосов смекнул, что уж хоть с одним-то разбойным эпизодом он сейчас явно попал в яблочко: и правда, гонять надо транспортникам этих ханыг по всем фактам нераскрытых грабежей на подмосковных дорогах. — Про дорожные ваши безобразия, Паша, с тобой другие толковать будут и не раз. А со мной ты сейчас потолкуешь о том, за что тебе и твоим друзьям, к моему великому сожалению, «вышку» не дадут, заменив ее пожизненным...

— Да я никого не убивал, матерью клянусь! — Это было выпалено без запятых и пауз на одном дыхании. — Что я, слепой, куда бью, не вижу, что ли? Водила за руку схватился, я ж видел, визжал только, как заяц перепуганный. Я что, не знал, что ли, куда стрельнул? Да я и не хотел, они сами начали... — Круглый осекся, поздно осознав, что с головой полез в ловушку. Черт, ведь он был там в автобусе в маске, ни одна собака б его не узнала среди подельников! Никто б не доказал, что именно в его руке и был пистолет «ГТ» — единственная настоящая пушка, из которой и ранили навывлет водителя автобуса. А сейчас он сам по своей же глупости признался, что...

— Шофера ты только ранил, Паша, — перебил его Колосов. — А вот пассажира вы убили. Зверски.

Круглый вытаращился. Однако усилием воли подавил душившие его гнев, досаду и страх и прошипел:

— Какого это еще пассажира, начальник?

— А корейца-то. — Колосов печально наклонил голову, словно это уже было доказанным фактом и никакие возражения Свайкина помочь делу уже не могли.

— Какого корейца? Какого еще корейца?! — взорвался Круглый Павлик. — Прошлый раз айзергуда мне шили... вашу мать... и сейчас...

— Заглохни, — жестко оборвал его Колосов. — Недалеко от того места, где вы остановили и ограбили автобус, найден труп пассажира. Зверски изуродованный, раздетый, обобраный (Колосов, вспомнив о главном капитале наркокурьера, произнес последнее прилагательное с особым ударением). И улики мы там изъяли достаточно, чтобы тебе и твоим недоноскам предъявить обвинение в убийстве.

— Какие улики? Какое обвинение? Какой еще кореец?! — Свайкин затравленно оглянулся на дверь. — Что ты мне снова лепишь? Ты... да я с тобой... Прокурора давай сюда мне, следователя! А с тобой... Да не буду я с тобой говорить, понял — нет?!

— Не ори, Паша. Прокурор с тобой будет разговаривать, но только после того, как ему на стол ляжет твое чистосердечное признание.

— Что ты надо мной издеваешься? — Свайкин понял, что ором и истерикой с этим «убойщиком» не возьмешь, и решил применить иную тактику: — Я ж поклялся: мы и пальцем никого не тронули! Ни разу, ну! За правило взяли: без мокрухи. Да и зачем, Господи? Они ж как овцы — и так все суют, только ствол покажи... И парни мои — Ванька вообще крови не переносит, куренка в деревне у матери зарезать не может... Ты скажи толком, что вы на нас сейчас вешаете такое?

— Сначала, Паша, ты мне толком, хоть и приватно, без протокола, скажешь, как было сегодня утром дело. Не маленький, должен понять — при таком за-

держании, с таким поличным, — при этих хвастливых словах Колосова Свайкин со скрежетом зубным вспомнил, как менты изымали у них на дороге оружие и награбленное, — сел ты на этот раз крепко. И проверить мне твои враки — пара пустяков. Говоров-то старший ваш — наркоголик конченный. Шприц только покажи — сдаст всех вас и еще слезы будет лить, что сдавать больше некого.

— А что ж ты сейчас его о мокрухе не спрашиваешь? — находчиво ввернул Свайкин. — Чего ж опять меня мучаешь?

— А его следователь себе забрал, — равнодушно сообщил Колосов. — Там уже протокол пишут. У следователя производственный процесс ни минуты не буксует, это мы с тобой все тары да бары разводим, а там уж признательные показания строчат во все лопатки. И к тому же... тот пистолетик-то у тебя был, Павлик.

Свайкин мрачно хмыкнул. Но еще более получаса потребовалось, чтобы он нехотя, но все же начал откровенничать об утреннем эпизоде.

В принципе, его показания мало расходились с показаниями потерпевших челноков, но так как Колосов их не слышал, то внимал Свайкину, не перебивая. И, лишь когда тот дошел до момента, когда водитель автобуса закрыл двери, заперев налетчиков в салоне, начал задавать вопросы:

— А где именно находился каждый из вас, когда двери закрылись? Ты вот где был?

— Впереди. Ну, когда этот задрыга сам напросился... Я ж пугнуть его только хотел, не убивать же!

— Твое счастье, что не в голову шоферу пуля попала, Паша. А где братья Говоровы были?

— Эти сзади. Там баба еще орать начала, точно ее режут. Потом... потом он дверь открыл, мы и выскочили.

— А кто женщину ударил в подбородок?

— Только не я. Я не видел кто. Вообще **не видел, что ее ударили.**

— Ты через какую дверь выходил?
— Как через какую? Переднюю — я ж там стоял!
— А Говоровы?
— Следом за мной.
— И что было дальше?
— Ничего. Сели в тачку и дернули.
— Только вы? И Васильченко за рулем четвертый? А кореец?

— Опять двадцать пять, начальник! Какой кореец? — Бритая макушка Круглого Павлика начала наливаться кровью. — Ну какой, на хрен, еще кореец?!

— Тот, что сидел один на последнем сиденье.

— Да я его и не видел вовсе! Я за шофером смотрел, потом эта буза в салоне поднялась, ну стрéльнул — так вынудили ж! Зачем бы мне сдался этот, как его...

— Зачем? Ладно. Когда драпали от автобуса, видели что-нибудь? Ведь было рано совсем — машины все наперечет на дороге. Может, кто чинился у обочины, кто голосовал?

— Я на тачки не смотрел. И какие-то вопросы странные мне все задаете... не пойму я, о чем.

— А почему вы именно тем путем драпали?

— Где вы нас тормознули, что ли? Да это Генка, зараза такая, я ж говорил: сворачивать нужно было в лес, а он — через город проскочим, все ништяк, вот и проскочили!

— А что, разве в этом лесу дорога есть? — осторожно спросил Колосов.

— Есть. Только ведет к черту на кулички. Там карьер был когда-то за лесом. — Круглый вздохнул. — Потом забросили его. Ну дорога была. Теперь бугры одни да ямы, но проехать, если знаешь, можно. Только это все равно что круг на ровном месте сделать: упрешься снова в шоссе как раз позади Кошеевки. Там еще овраг. Мост там ремонтировали весной.

Колосов смотрел на Свайкина. Круглый Павлик — точно автомобильный атлас, открытый на нужной странице.

— Значит, ты предлагал ехать лесом до Кошеев-

ских карьеров и там уже позади блокпоста ГАИ сворачивать на шоссе, а водитель твой выбрал иной путь. Правильно я понял?

— Правильно. Если б там ехали — не сидел бы я сейчас перед тобой. — Круглый мрачно сверкнул глазами. — Клевету разную не слушал бы.

— А ведь именно в этом овраге, в лесу у Кошеевки, пассажира-то того и кончили, Паша, — тихо сказал Колосов, — вот ведь какие пироги-то... Ну ладно. Все пока у нас с тобой. Следовательно тебя ждет... А наши беседы с тобой еще не кончены. Учти.

— Я не убивал никого, начальник. И учитывать мне нечего, — твердо повторил Свайкин, но взгляд его что-то Колосову не понравился. Было в нем какое-то странное напряжение, словно Свайкину сейчас невольно вспомнилось нечто такое, что он жаждал вычеркнуть из своей памяти навсегда.

Глава 6

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Для Кати черная полоса скуки и безделья вроде бы миновала. Задержание банды Свайкина подбросило неплохой материал для будущих публикаций, и весь следующий день (а это был ее любимый день недели — пятница) она трудилась не покладая рук. О Круглом Павлике, его прежних судимостях и оправдательном приговоре за недоказанное убийство она постаралась узнать как можно подробнее. В отделе розыска, занимающемся преступлениями на автотранспорте, ее, однако, снова предупредили: вся предоставленная информация пока строго конфиденциальна. Пока обстоятельства нападения на «Икарус», пропажи и последующей гибели пассажира не прояснятся — в прессу не давать ни строчки. «Да ладно, — благодушно поду-

мала Катя, — месяцем раньше, месяцем позже. Наберу пока фактического материала».

Про обезглавленный труп в овраге она вспоминала с содроганием. Примечательно было то, что об этой страшной находке в сводке даже не упоминалось. Это Катю насторожило: отчего это? К чему такие тайны? Она чувствовала: что-то происходит. И Кошечка — не начало, а лишь продолжение каких-то событий, о которых она не имеет ни малейшего представления.

В который уж раз она скрупулезно проштудировала толстый том сводок, начиная с марта. Когда обычно на свет божий и появляются «подснежники» — непознанные трупы различных сроков давности. Трупы были, однако никаких указаний на то, что какой-то из них найден обезглавленным, Кате так и не удалось разыскать. Но это тоже еще ничего не означало. В сводке эту важную подробность могли и намеренно опустить, потому что...

Катя с досадой отодвинула подшивку. Потому что — потому, что кончается на «у». Как все-таки розыск любит тайну! Понятно, конечно, что преждевременная огласка их работе мешает, но... Какая все-таки это мука вот так по крупичам выуживать необходимую тебе для работы информацию! Видно, снова ничего не остается, как подлизаться к начальнику отдела убийств: самый ты у нас умный, Никита, самый храбрый, самый сильный... Она вспомнила, что в прошлый раз, когда ей позарез нужны были подробности двойного убийства в Кашире, доподлизывалась до того, что... Колосов, кажется, и вправду чуть-чуть не поверил, что он для нее — самый-самый. Хорошо еще, что Никита, несмотря на всю свою грозную статью, катастрофически застенчив с женщинами (или только с ней одной — кто бы подсказал, а?), а то бы...

Катя тут невольно вспомнила драгоценного В. А.: сколько они с Вадькой вместе, сколько друг дружку знают, а Кравченко ни разу не пожелал пообщаться с Никитой лично. Только через Мещерского (тот, правда, тоже давненько Никиту не видел — все дела у них,

все заботы неведомо какие). Странные все же существа мужчины. Иногда, кажется, как на ладони они перед тобой — все-то у них на лице написано, чего хотят, чего не хотят. Но вот коснись дело чего-то важного, и оказывается, что ничегошеньки об их сокровенных секретах тебе и не известно. Обвели они тебя, как наивную девчонку, вокруг пальца. Вот и Колосов такой же, когда дело работы касается, а не каких-то там его сердечных склонностей...

Вот, например, если предположить, что этот труп в овраге — лишь эпизод чего-то страшного и странного, что происходит в области, то... Да как же так? Он, Никита, знает, а ей, Екатерине, до сих пор ОБ ЭТОМ ничего не известно? Неужели прошлапила такую сенсацию?

Подогретая этими мыслями, Катя тут же начала лихорадочно названивать Колосову. Но никто не брал трубку. Спустилась в розыск. Дежурный сообщил, что начальник отдела убийств с утра в Красноглинске работает по вчерашнему задержанию. И это опять-таки было необычно: ведь дорожный бандитизм не профиль Колосова, выходит, он... Выходит, он все-таки подозревает в убийстве наркокурьера именно тех задержанных бандитов. Кого же именно? Неужели Свайкина? Хуже нет, когда тебя так и переполняет энергия, любознательность и жажда действий, а роковое стечение обстоятельств лишает возможности реализовать весь этот рабочий настрой с пользой для дела. Катя чуть не лопалась с досады: пятница — ну разве вернется сегодня Колосов из района, из этого дальнего Красноглинска в главк? Да нет, конечно. Зачем? А у нее, выходит, снова потерянный день. Прямо впору заняться какой-нибудь очередной профилактической операцией по борьбе со злоупотреблениями на потребительском рынке. Описать как-нибудь позакковыристее, поважнее всю эту скукоту: сколько бутылок фальшивых винно-водочных изделий изъято, сколько административных штрафов наложено...

И она действительно скрепя сердце занялась итогами операции «Орнадо» и проработала над кипой справок, сводок и рапортов почти весь день.

Под конец рабочего дня она все же для порядка снова решила навеститься к Колосову. А вдруг? Подергала запертую дверь кабинета — никогошеньки. Чего и следовало ожидать — пятница. Придется все отложить до понедельника. И... столкнулась с начальником отдела убийств у дежурной части чуть ли не нос к носу.

— Ой, Никита, ты приехал! — Колосов, хмурый и усталый, с удивлением увидел, что Катина лицо так и просияло радостью и светлой надеждой. — А я думала, ты уже не вернешься.

Она твердила это так умильно, что... Ч-черт, женщины! Колосов почувствовал, что внутри его что-то дрогнуло, защекотало сладко — не в сердце, нет, а... Ну, словом, там... Катька-Катька... Дураком наивным он не был: давно понял, что она просто лиса. Приходит, поет, льстит, когда ей что-то нужно: интересное дело, подробности задержания, уточнение сведений. Правда, были случаи, когда он чувствовал, что она ему — верный товарищ и помощник, но... Потом все это, эта половинчатая духовная (черт бы ее побрал!) близость как-то незаметно улетучивалась. Катя не появлялась, а он считал ниже своего достоинства напоминать ей о своем существовании. Ч-черт! Она же совсем ничего не желала замечать! Ни того, как он к ней относится, как смотрит иногда... Точнее, видела все, но просто... просто не подавала виду, что видит и замечает. Хитрила лиса. Эх, женщины... Сначала эта ее ровная дружеская приветливость, это ее нарочитое **незамечание** доводило его до злости и на себя, размазную несчастную, и на нее — лису... Но со временем... Вся завязка-то была в том, что у Катьки был муж или друг (кто он там, Колосов в подробности не входил), которого она (черт бы его побрал!) любила. Славный малый, по отзывам их общего знакомого Сереги Мещерского, очень даже славный и с деньгами, кажет-

ся... На него Колосову, правда, плевать было с сорок пятого этажа, но... Он чувствовал: если бы не был таким размазней, давно бы поставил все точки над «и» в этом их зыбком треугольнике (даже квадрате, если учитывать чувства малыша Мещерского), но... Опять это проклятое «но»!

— Ой, Никита, а я тебя так сегодня ждала! Ты мне так был нужен с самого утра. — Катин льстивый голосок — так в тот миг казалось Колосову — эхом отдавался во всех коридорах управления розыска. Но именно из упрямства, из нежелания признаться в том, что и голос, и весь сияюще-радостный вид Кати ему очень-очень приятны, начальник отдела убийств построил самую равнодушную, самую озабоченную и недовольную мину и буркнул:

— Привет. И зачем же на этот раз я тебе, Катерина Сергеевна, понадобился?

— А ты куда сейчас? — Катя улыбнулась: рычи-рычи, сейчас утихнешь. — Домой?

— Нет. У меня еще дела здесь.

Делопут какой. Катя, не отставая от него ни на шаг, проследовала за ним до самых дверей кабинета. Колосов секунду помедлил, потом пропустил ее вперед.

— Душно как! Хоть бы окно открывал, когда уезжаешь. А то накурено тут...

Он молча рванул старую раму. За зарешеченным окном кабинета во дворе управления чирикали воробьи — спать укладывались.

— Ну? Только коротко, Катя, а то мне звонить сейчас должны. — Однако он сам подвинул ей стул и включил электрический чайник.

Это единство и противоречие действий и слов весьма позабавило Катю: нет, все же Никита — прежний. Даже новая «девятка» и этот серебряный пижонистый ошейник его не в состоянии изменить.

— Ты из Красноглинска, да? — Она перешла от восторженного на сугубо деловой тон.

— Угу.

— Новости какие-нибудь?

— Угу. Впрочем, как посмотреть.

— Насчет Свайкина и его соучастников?

— Угу, угу, угу.

— Прекрати, — Катя сердито стукнула кулаком по коленке. — Не ухай.

— Да-нет не говорить, красный, синий, кровавый, ужасный не называть. — Колосов внезапно оперся руками о спинку ее стула, близко наклонившись. Катя ощутила его дыхание на своем затылке.

— Никита... чайник кипит.

Он выпрямился. Выдернул шнур из розетки. Это называется — мастерски выключать ток. Этому у нее просто поучиться можно!

— Что же ты делал с самого утра в Красноглинске? — спросила Катя. — Ну, в общих чертах. Я же не об оперативных подробностях тебя спрашиваю...

— На обыски с Андреевым ездили. — Колосов невесело хмыкнул, невольно вспоминая то, **чем** был занят весь день.

Обыски на квартирах Свайкина и Васильченко особых улик не принесли. А посещение жилища братьев Говоровых запомнилось ему совершенно по иным, нежели выявленные по делу доказательства, причинам.

Говоровы жили в огромной коммуналке на окраине Красноглинска, где еще с тридцатых годов стояли бараки местного кирпичного завода. Таких коммуналок Колосов не видел даже в Москве, в родной Марьиной Роще, где прошло его собственное детство: огромный, разгороженный на тесные клетушки-комнаты ангар, где проживало более сорока семей. Говоровы занимали две комнаты, в которых обитали жена, теща и двое детей старшего брата Ивана. А младшему Константину места в комнатах не нашлось — он спал в кладовке-пенале, рядом с загаженным до последней возможности коммунальным сортиром.

Когда сотрудники милиции и понятые вошли в квартиру, их просто оглушил разноголосый хай (иначе

и назвать-то было нельзя), доносившийся из бесчисленных каморок. Несмотря на рабочий день, народу было видимо-невидимо: жильцы никуда не торопились. Немного обалдевший от детского визга, грохота кастрюль, чада, копоты и криков разгорающейся на коммунальной кухне ссоры, следователь Андреев шепнул Колосову:

— Из такого ада вырваться — поневоле на дорогу с кистенем двинешь... Что ж тут за мрак такой?

Прямо напротив входной двери в комнате с голыми облупленными стенами, единственными предметами мебели в которой были железная кровать и колченогий стол, видимо, еще с ночи гуляла компания пропойц. Судя по пустой посуде на столе, они находились уже за гранью реального мира, а потому появление милиции на пороге восприняли как прямое оскорбление.

— Да это не к тебе, Семеныч! Не дрейфь! — зычно возвестила на всю переднюю полная брюнетка бальзаковского возраста в цветастом халате, открывшая милиции дверь. — Это к Ваньке, Говоровы им нужны, ихняя фамилия. Эй, кто-нибудь, оторвите задницу, подите стукните им, а то я отойтить не могу — у меня варенье на плите!

Жена старшего брата-разбойника встретила их на пороге своей комнаты: молодая еще, изможденная женщина, обесцвеченная перекисью до такой степени, что сквозь редкий белесый пух на ее голове просвечивало розовое темечко. Известие об аресте мужа она восприняла молча, скорбно поджав губы. Колосов заметил, что с ней что-то неладно: двигается точно кукла на шарнирах, не сгибаясь.

— А нам-то теперь что же... Мы-то как же... Мне что теперь делать? — спросила она тупо Андреева. — Мама, возьмите Светку!

Колосов только тут заметил, что из-за двери с любопытством уставился на него черноглазый детеныш лет двух в байковой пижамке. Второй детеныш — мальчишка лет восьми в этот самый миг, разогнавшись на

роликах в коридоре, с размаху налетел на одного из понятых, который испуганно ойкнул и тихо выругался.

— Денег в доме ни копейки, и я ничего не могу. — Женщина все смотрела на Андреева. — Чайник поднять не могу даже, только после операции, все болит еще, ох, как болит... Мама, да возьмите же Светку! Горшок там, под кроватью. Поносик у ребенка, — жалко объяснила она Андрееву, — вот накормили ребенка крошкой, огурцами, разве ж можно... А он... муж... муж мой что сделал? За что вы его арестовали?!

Андреев, предъявив ордер на обыск, коротко сообщил. Женщина лишь руками всплеснула:

— Грабил на дорогах! А деньги-то где ж? Ведь ни копейки никогда последнее время домой — все на отраву свою тратил. Я уж на развод подавать собиралась, только в больницу слегла... Мама, слышите, за что Ивана взяли? А Костя? И он тоже с ними? Тоже? Господи Боже... А мы-то с детьми теперь как же?

В комнатах Говорова-старшего тоже ничего не нашли. Колосова поразила нищета, в которой обитала семья дорожного бандита: полуразвалившаяся мебель шестидесятых годов, истертые коврики на дощатом полу, пустой холодильник. Иван Говоров, видимо, крепко сидел на игле. Все, что зарабатывал разбоем, уходило на вожделенный героин.

Однако, когда начали обыскивать кладовку-спальню Говорова-младшего, повезло больше. Из одного из встроенных в стену шкафов над его кроватью извлекли электрошоковую дубинку, коробку газовых патронов и еще две шерстяные маски-«бандитки».

— Я не знаю, откуда это у него, — бормотала Говорова. — Это Костино, не наше.

За действиями сотрудников милиции молча наблюдал сын Ивана Говорова — тот самый, на роликовых коньках. Он исподлобья глянул на Колосова, и тот аж вздрогнул: никогда еще не приходилось ему видеть такой открытой, вызывающей, яростной ненависти у ребенка.

— За что папку моего забрали? — глухо спросил

мальчишка. — Он что, сегодня уже не придет? И завтра тоже?

— Уведите сына отсюда, — Андреев сказал это Говоровой, но та, не двинувшись с места, лишь крикнула:

— Мама, да сколько же раз повторять, заберите Славку и Светку тоже, посидите пока у Завгородних!

Ее мать — полная, молчаливая, в старом застиранном спортивном костюме, попыталась было увести внука из кладовой, но тот лишь вырывался остервенело из ее рук и вдруг, истерически взвизгивая от еле сдерживаемых слез, выпалил громко и страстно на весь коридор:

— Да чтоб вы сдохли, менты! Чтоб сдохли, сдохли, сдохли!

— Славочка, детка, да что, Господи, с тобой такое! — пыталась перекричать его бабка.

Но мальчишка ударил ее наотмашь по руке и со злобным упорством, со слезами начал выкрикивать во все горло стишок за стишком уличную дразнилку:

— Эй вы, вонючие объедки, чтоб сдохли вы и ваши предки! Эй ты, огарок свечки (это получил один из понятых), чтоб утонул ты в речке!

— Славочка, да кто тебя такому выучил?

— Эй ты, — мальчишка обернул к следователю бледное, искаженное ненавистью лицо. — Эй ты... обмылок какашки, чтоб завтра же сдох ты от кондрашки!

А в это время мать его выла точно по покойнику. Оперативники же извлекали из шкафа и заносили в протокол в качестве изъятого вещдока коробку газовых патронов в количестве двадцати пяти штук.

— Как волчонок пацан-то, злыдень маленький, — заметил Андреев, когда они после обыска возвращались в отдел. — Батька-наркоман, мать больная, бабка безропотная, бессловесная, дядька... И столько злобы к ментам у мальчишки... Кто-то в нем эту злобу уже начал выращивать. Не папаша ли, задрыга занюханная? Не дядя ли родной-любимый? Я вот о чем сейчас подумал, Никита, — Андреев покосился на мрачно молчавшего коллегу. — Хоть пока ничего кон-

кретного нет на Свайкина и Говоровых по твоему профилю, а все ж погоди пока сбрасывать их совсем со счетов. Мальчишка-то видал каков? Яблочко от яблони... По потомству и о родственничках легко мнение составить. А ведь тут прямо злоба живая, человеконенавистничество, ей-богу.

Это было, конечно, сильно сказано, но в глубине души Колосов был со следователем согласен. Хотя Говоровы и Васильченко, как и Круглый Павлик, с пеной у рта настаивали на своей непричастности к убийству корейца, и в принципе их показания не противоречили друг другу, игнорировать версию о том, что это именно они прикончили в овраге наркокурьера, пока не стоило. За эту версию было пока несколько фактов: кровавое прошлое Круглого Павлика, слепая жажда героина у Вани Говорова и этот вот мальчишка с его истерическим «чтоб вы сдохли!».

Колосов вздрогнул: Катя настойчиво снова его о чем-то спрашивает: «Ты уснул, что ли, Никита?» А о чем ей рассказывать? О том коммунальном содоме, что ли? «Обмылок какашки» — это ж надо, а...

— Никита, раз так, — Катя обидчиво надула губы, — я лучше пойду.

— Я думал о том, что тебе предложить — чай или кофе, потом вдруг вспомнил, что кофе кончился, наши выдули все, — тихо соврал Колосов. Ему **очень не хотелось**, чтобы она сейчас уходила. Но отвечать на бесчисленные Катины «отчего» да «почему» тоже было тяжело. Эх, помолчала бы лучше...

Но Катя молчать в кабинете начальника отдела убийств не желала — не затем явилась.

— А можно предположить, что этот ваш Свайкин и его подручные — убийцы? — вкрадчиво осведомилась она.

— И можно... и нельзя.

Она с тоской посмотрела в окно: нет, зря я сюда пришла. Он не расположен сегодня к откровенности — устал... Но явно думает сейчас о чем-то, что его тревожит и озадачивает.

— **Ублюдки. Одни ублюдки кругом.** — Колосов потер лицо ладонью. — **Как они мне осточертели!..** Ну, что же ты затихла? Отчего еще о чем-нибудь меня не спросишь?

«Грубияна несчастного», — мысленно продолжила Катя, но лишь горестно вздохнула. Чай обжигал губы — кипяток. Уместнее всего сейчас было бы избрести удобный предлог и улизнуть.

— Никита, большое спасибо за чай, но я пойду, мне тоже позвонить должны, я лучше потом, завтра...

— Посиди на месте, пожалуйста. И не вертись так. Чай сейчас остынет. А у телефона нет ног, не сбегит. — Колосов внезапно дотянулся через стол, крепко взял ее за запястье, сжал и тут же отпустил. — Сейчас чайку попьем, и я на машине тебя домой отвезу. Минут через пяток поедем.

Они замолчали. А потом в поисках нейтральной темы Катя, как за спасательный круг, ухватилась за рассказ о злоключениях Мещерского в объятай революционным восстанием Джакарте.

— М-да, хлебнул Серега наш. — Колосов хмыкнул. — Позвоню ему завтра же. Сто лет не виделись. **С того раза.**

ТОТ РАЗ Катя помнила до сих пор так четко, словно трагические события, участниками которых стали и она, и Мещерский, и Никита, произошли не полгода назад, а лишь вчера...

— Не женился Сережка, нет еще? — Колосов смотрел куда-то вбок. — Ну, теперь и вообще вряд ли... А так, знаешь ли, Катерина Сергевна, хочется на чьей-то веселой свадьбе с бубенцами гульнуть.

А она смотрела на его руки — сильные кисти, широкие загорелые запястья...

— Никита, а почему «и нельзя»? — спросила внезапно.

Он хмыкнул: неправильно, грамматически неточно ставить вопросы — это уж у нее манера такая. Внешняя нелепость и вместе с тем прямо спартанская